

© 1992 г.

Я.Г. РОКИТЯНСКИЙ

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА АКАДЕМИКА Д.Б. РЯЗАНОВА

Вниманию читателей предлагается документальный очерк о жизни и творчестве видного советского ученого-историка, общественного деятеля академика Давида Борисовича Рязанова. В начале 30-х годов он был репрессирован Сталиным и с этого времени фактически предан забвению. Сейчас многие знают о Рязанове прежде всего по его неординарным выступлениям, зафиксированным в протоколах съездов и конференций РКП(б). Лишь недавно появилась первая научная статья о Рязанове¹.

Цель данного очерка - рассказать о жизни, творчестве и многогранной деятельности Рязанова. Канву очерка составляют различные документальные, как правило, неизвестные читателям материалы, воспоминания, а также выдержки из работ Рязанова. Особое внимание уделяется архивным документам - его неопубликованным рукописям, переписке, материалам следствия, обнаруженным в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), бывший ЦПА ИМЛ, в центральном архиве КГБ. Хотелось бы выразить благодарность родственникам Рязанова из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова за их очень интересные воспоминания, за предоставленные в распоряжение автора очерка письма Рязанова и другие материалы.

ОДЕССКИЙ ПРОЛОГ

Д.Б. Рязанов родился в Одессе 10 марта 1870 г. Его настоящая фамилия Гольдендах, в анкете в графе "национальность" Рязанов писал: "Еврей по происхождению и русский по национальности"². Действительно, взгляды и идеалы Рязанова формировались на основе русской культуры. Его работы и выступления отличает яркий, сочный русский язык, в них нередко встречаются поговорки, ссылки на А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, И.А. Крылова и других русских писателей.

Внучатая племянница Рязанова К.О. Машкова рассказала автору данного очерка о его родных. Отец Рязанова был небогатым торговцем и имел 13 детей. Старший сын Александр стал электриком и погиб от электрического удара.

¹ Смирнова В.А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов. - Вопросы истории КПСС, 1989, № 9.

² РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 159, л. 1; Центральный архив КГБ, № ОФ 14408, л. 15.

Несколько братьев и сестер скончались в раннем возрасте. В живых остались шесть сестер: Софья, Любовь, Тамара, Ольга, Фаина и Берта. Родители были набожными и энергично возражали против участия своих детей в революционной деятельности.

Рязанов был исключен из пятого класса одесской гимназии "за неспособность". После этого нигде больше не учился и приобрел свои огромные знания и научную эрудицию благодаря самообразованию. А.В. Луначарский позднее называл Рязанова "эрудитом и бесспорно ученым человеком нашей партии"³. Историк и публицист Ю.М. Стеклов вспоминал: "Стараясь восстановить в памяти его тогдашний облик, я никак не могу представить Рязанова иначе, как важно шествующего по улице с карманами, набитыми плотно газетами, с пачкой книг под мышкой и при этом обязательно читающего на ходу книгу или газету. Как настоящий человек умственной работы, он предавался ей с того момента, когда утром открывал глаза, и до момента, когда собирался закрыть их на сон грядущий... Рязанов читал всегда и повсюду - на ходу, в обществе, во время беседы, за обедом и т.д. Ему действительно удалось накопить огромные знания даже к тому времени, когда он впервые встретился с нами и когда он, в сущности, был еще юношей"⁴.

В 1887 г. Рязанов активно включается в революционную работу. Сначала он становится членом одного из народовольческих кружков, а в 1889 г. - одним из первых марксистов в России, основывает марксистский кружок. С этого года он впоследствии отсчитывал свой партийный стаж. Полиция уже в 1887 г. обратила на него внимание. Вначале последовал обыск, а затем постоянная слежка. Однако усыпив бдительность полиции, Рязанов в 1889 г. уезжает за границу. Одна из задач его поездки - ознакомление с социал-демократическим движением в Европе. Согласно некоторым сведениям, Рязанов присутствовал на учредительном конгрессе II Интернационала в Париже.

В апреле 1890 г. Рязанов вернулся в Одессу и включился в пропаганду марксистских идей среди рабочих под именем Николая Парижского, называя себя "научным социалистом". В декабре 1890 г. вновь нелегально уезжает за границу, где устанавливает контакт с возглавляемой Г.В. Плехановым группой "Освобождение труда". В октябре 1891 г. при возвращении в Россию Рязанов был арестован на границе и препровожден в одесскую тюрьму, а 30 декабря 1892 г. приговорен к четырем годам тюремного заключения с принудительными работами. Срок он отбывал сначала в Одессе, а с февраля 1893 г. в Петербурге в знаменитых "Крестах". Не так легко было вынести столь длительное тюремное заключение. Позже Ю.М. Стеклов вспоминал: "Я не сомневаюсь в том, что его спас глубокий интерес к науке. В тюрьме он остался таким же, каким был на воле. Глубочайшая жадность к науке, стремление не отставать от нее, следить за всеми успехами знания - все это поддерживало в нем духовную бодрость и крепость. Целый день он клеил коробочки для папирос или занимался подобной бессмысленной принудительной работой, но в обеденный перерыв и в свободные минуты после десятичасового рабочего дня Рязанов начинал читать, т.е. жить"⁵. В "Крестах", а также позднее в Кишиневе, куда Рязанов был отправлен в трехлетнюю ссылку под гласный надзор полиции, была заложена основа его эрудиции в области истории, политической экономии, философии, финансов, юриспруденции, социологии. В Кишиневе Рязанов

³ Луначарский А., Радек К., Троцкий Д. Силуэты: политические портреты. М., 1991, с. 196.

⁴ Стеклов Ю. О моих первых встречах с Д.Б. Рязановым. - На боевом посту. Сборник к шестидесятилетию Д.Б.Рязанова. М., 1930, с. 130.

⁵ Там же, с. 135.

Д. Б. Рязанов (начало XX в.)

встретил и будущую спутницу жизни Анну Львовну. Она стала верной женой, разделила все тяготы нелегкой жизни мужа.

К началу века Рязанов был уже готов к публицистической и научной работе. Он разбирался в политических и теоретических проблемах, хорошо знал произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, других представителей социалистической мысли. В это время его взгляды отличались ортодоксальностью: он отвергал любой отход от положений Маркса и Энгельса, независимо от того, делалось это справа или слева, и особенно протестовал против попыток оспорить правильность марксистского метода исследования. Первыми объектами критики Рязанова стали работы П. Струве и Э. Бернштейна. Благоприятные условия для развития и проявления литературного и исследовательского дарования Рязанова сложились в январе 1900 г., когда он вновь оказался за границей.

НАЧАЛО ВЕКА

Первая эмиграция Рязанова длилась примерно шесть лет. Вначале он проживал в Париже, а потом в 1901 г. отправился в Берлин. Учителем, занимался литературной работой. Вскоре встал вопрос: как подписывать статьи и брошюры? По совету Ю.М. Стеклова он взял псевдоним "Рязанов" - фамилию главного героя малоизвестного в русской литературе романа Слепцова "Трудное время"⁶.

⁶ Там же, с. 138-139.

Рязанов активно включился в издательскую и пропагандистскую деятельность российских социал-демократов за рубежом. Начал сотрудничать в газете "Искра" и журнале "Заря"⁷, подготовил ряд статей политического и исторического характера для "Социал-демократического календаря 1902 г."⁸, возглавил группу "Борьба", выступавшую за объединение всех российских социал-демократов. В то время полным ходом шла подготовка устава и программных документов российской социал-демократии, подготовка II съезда РСДРП. Позиция рязановской группы была близка к точке зрения В.И. Ленина и Г.В. Плеханова, но были и некоторые отличия. Они объяснялись тем, что Рязанов в большей мере учитывал исторический опыт европейской социал-демократии и видел наиболее уязвимые, иногда односторонние представления двух лидеров российской социал-демократии, представления, которые негативно сказались на ее организационных принципах и судьбе и создали предпосылки для расколов и проявления антидемократических тенденций.

Вот что писал в те дни Рязанов в одной из своих брошюр: "Как бы ни огорчали всяких добросердечных людей так называемые "расколы" - "раздоры", но социал-демократическая партия всюду развивается только путем борьбы с другими революционными партиями. И еще более "печальный" факт: социал-демократическая партия развивается обыкновенно путем внутренней борьбы различных фракций..."

Наше движение явилось на свет позднее немецкого и может, и должно поэтому воспользоваться его уроками. Вот почему для нас так важно знакомство с историей, теорией и практикой германской социал-демократии. К сожалению, пример тов. Ленина показывает, что это знакомство сильно хромает даже у наших политических вождей"⁹.

Предостережения Рязанова не были услышаны. Более того, вопреки мнению Организационного комитета, Рязанов не был приглашен на II съезд РСДРП даже с совещательным голосом¹⁰. Это был один из первых примеров будущих неурядиц в партии, связанных с негативным отношением к инакомыслящим. Однако Рязанова это не обескуражило. Он и после II съезда продолжал занимать независимую позицию и не присоединился ни к меньшевикам, ни к большевикам.

Из брошюры Рязанова "Разбитые иллюзии": "Мы никогда не пойдем, каким образом партия могла добровольно наложить на себя цепи теперешнего устава, мы не в состоянии даже будем понять многие его пункты, если мы забудем, что он является формой проявления ленинских организационных идей, логически развившихся из упрощенного понимания задач социал-демократии..."

Ошибка Ленина состоит не в том, что он политическую организацию революционеров строит по принципу централизации руководства... а в том, что он упрощает, суживает эту общую деятельность, ограничивая ее работой политической агитации, объединенной по всей России...

Лишь там, где классовому движению навязывают всякие сектантские лозунги, где являются пророки и знахари с особыми патентованными средствами ("планы", "отрезки" и т.д.), где из организации вышибаются всякие "оттенки", несогласные с "оттенками" господствующей группы, развивается дикое стремление установить "единство взглядов" путем установления "единомыслия"... Только на этой "сектантской" почве могла вырасти искровская утопия внесения "единства взглядов" в партию путем установления

⁷ Искра, 1901, № 8, 9; Заря, 1901, № 1.

⁸ Социал-демократический календарь на 1902 г. Женева, 1902, с. 48-70, 117-132, 140-157.

⁹ Рязанов Д.Б. К критике программы российской социал-демократии, 2-е изд. СПб., 1906, с. 8, 11, 149.

¹⁰ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 9.

"единомыслия" в "центре", состоящем из десятка прекрасно спевшихся вождей... Оказалось, что от такого "единомыслия" некуда было деваться самим "градоначальникам"... Они все еще продолжают упорно смешивать тайную организацию с заговорщической, централизованную с централистической и вместе с Лениным готовы сейчас же "расстрелять" всякого демократа"¹¹.

Отношение В.И. Ленина к Рязанову было с самого начала неоднозначно. Он высоко ценил его как пропагандиста, признавал меткость отдельных его замечаний и был не прочь с ним сотрудничать. Но его примиренческую позицию не принимал и с присущей ему резкостью и категоричностью отвергал все упомянутые предостережения¹².

Сразу же после революции 1905-1907 гг. Рязанов возвращается в Одессу, а затем переезжает в Петербург. Здесь он активно участвует в работе социал-демократической фракции второй Государственной думы, в создании российских профсоюзов, а затем под именем Парнесова сотрудничает в их Центральном бюро. В мае 1907 г. его арестовывают на совещании социал-демократической фракции Государственной думы.

Позже бывший нарком земледелия В.П. Милютин вспоминал: "С Д.Б. Рязановым мы были в общей камере [1907 г.]... В нашу жизнь политических заключенных он внес три вещи: гимнастику (утром и вечером), запрещение курить (курение он ненавидит, кажется, с момента своего рождения всем своим существом) и установление часов для занятий, когда шуметь не полагалось. Эти предложения были всеми приняты... В этот период он особенно рьяно занимался переводом Рикардо. Там же в камере были устроены его лекции по марксизму, которые пользовались не меньшим вниманием и успехом, чем его позднейшие лекции на эту тему, какие он читал уже в СССР. Наше совместное житье продолжалось недолго, так как вскоре он был сначала переведен, а затем выслан за границу"¹³.

ВТОРАЯ ЭМИГРАЦИЯ

На этот раз Рязанову пришлось провести за границей почти десять лет. Он жил в Вене, Цюрихе и других городах. Эта эмиграция существенно отличалась от первой. Рязанов сохранил свое независимое положение в российской социал-демократии и не примыкал ни к большевикам, ни к меньшевикам, ни к какой другой группе. Однако в 1909 г. он был лектором школы, организованной на острове Капри группой "Вперед", а позднее читал лекции о профсоюзном движении в партийной школе большевиков в Лонжюмо близ Парижа. Зарабатывал на жизнь переводами, а после 1907 г. направил все свои силы на научную работу. Главным объектом его научных изысканий стало изучение истории социализма и рабочего движения.

К этому времени Рязанов досконально изучил все известные тогда работы Маркса и Энгельса и хорошо ориентировался в их идеях, в истории социалистической мысли, рабочего и профсоюзного движения XIX в. Очень важно было и то, что Рязанов освоил основные европейские языки - немецкий, французский и английский, что открывало ему возможность исследовать первоисточники, научную литературу по интересовавшим его проблемам, общаться с учеными разных стран, сотрудничать в различных печатных органах.

¹¹ *Рязанов Д.* Разбитые иллюзии. Женева, 1904, с. 60, 75, 86-87, 115.

¹² См. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 201, 203, 206, 304; т. 9, с. 161; т. 46, с. 45, 46, 81-83, с. 108-111.

¹³ *Милютин В.* О Д.Б. Рязанове. - На боевом посту, с. 143-144.

Рязанов в течение нескольких лет собирал документы по истории I Интернационала. Для этого большого труда ему пришлось много поработать в лондонских, парижских, итальянских (Рим и Флоренция), швейцарских и немецких библиотеках. В 1914 г. был уже сдан в печать и набран первый том, оставшийся, однако, в корректуре. Опубликованы из этого цикла только несколько работ¹⁴.

Во время пребывания в эмиграции Рязанов сумел установить тесные дружеские связи с видными представителями европейской социал-демократии - А. Бебелем, К. Каутским, Э. Бернштейном, Р. Люксембург, В. Адлером, К. Цеткин, Ф. Мерингом. Ему был открыт доступ в архив германской социал-демократии, где хранилась значительная часть рукописного наследия Маркса и Энгельса, их переписка, конспекты, рукописи неопубликованных работ, их книги. Почти все это оставалось неизвестным читателям. Между тем без знакомства с этими материалами ни о каком серьезном научном исследовании творчества Маркса и Энгельса не могло быть и речи. Рязанов изучал и материалы, находившиеся у дочери Маркса Лауры Лафарг, у которой в числе другого он обнаружил "Исповедь" Маркса, позже им опубликованную¹⁵.

Руководство СДПГ предложило Рязанову продолжить дело Ф. Меринга по публикации литературного наследия Маркса и Энгельса и издать их работы 50 - начала 60-х годов. Это задание Рязанов выполнил. При этом он обнаружил в "Нью-Йорк трибюн", "Нойе Одерцайтунг" и "Пиплз пейпер" примерно 250 неизвестных статей Маркса.

Во время второй эмиграции Рязанов приобрел имя талантливого ученого. Его многочисленные статьи, рецензии и обзоры публиковались в теоретическом органе СдПГ журнале "Нойе цайт", в журнале "Архив фюр гешихте дес социализмус унд дер арбайтербеvegунг", издававшемся немецким историком Карлом Грюнбергом, в венском журнале "Дер Кампф". К числу его наиболее серьезных исследований этого периода можно отнести статьи "Карл Маркс и русские люди сороковых годов", "Англо-русские отношения в оценке Маркса", "Карл Маркс и Фридрих Энгельс в их переписке (1844-1882)"¹⁶.

Уже первые марксоведческие работы Рязанова отличала глубина содержания, яркость стиля. Многие тогдашние размышления Рязанова не потеряли своей актуальности и в наши дни. До 1917 г. Рязанов опубликовал более 120 работ и уже в то время заложил основы научного марксоведения. Однако не все его выводы прошли проверку временем. Он сотрудничал не только в немецких журналах, но и в русских, печатая свои статьи в журнале большевиков "Просвещение" и в газете "Наше слово", которую редактировал Л.Д. Троцкий¹⁷.

Влияние Рязанова в российской социал-демократии сильно возросло в годы первой мировой войны. В то время его связи с руководителями многих социал-демократических партий стали приобретать особенно важное значение, так как многие российские социал-демократы были интернированы и ходатайства этих влиятельных людей были крайне ценны. Благодаря хлопотам Рязанова с помощью лидера австрийской социал-демократии В. Адлера, и это в нашей исторической литературе замалчивалось, был освобожден и Ленин. "В 1914 г., когда Ильич засел в Галиции и ему грозила опасность, - писал Рязанов, - мне пришлось после телеграммы Надежды Константиновны принимать участие в его

¹⁴ *Рокитянский Я.Г.* Неукротимый академик (новые архивные материалы о Д.Б. Рязанове). Вестник Академии наук СССР, 1991, № 7, с. 135.

¹⁵ *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма, т. 1. М., 1928, с. 173.

¹⁶ Там же, с. 3, 9, 420.

¹⁷ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии, т. 1-2. М., 1990, т. 1, с. 264.

освобождении"¹⁸. Таким же образом он вызволил из тюрем Бухарина, Пятакова и многих других. Отношение Ленина к Рязанову в тот период отличалось теплотой. 9 января 1915 г. он писал Рязанову: "Дорогой товарищ! Статью Вашу получили вчера вечером. Не успели еще прочесть и обсудить... Лучшие приветы от меня, Надежды Константиновны и всех бернцев. *В. Ленин*"¹⁹.

В годы первой мировой войны Рязанов занял твердую интернационалистскую позицию. Он выступил против одобрения социал-демократами военных кредитов и поддержки ими своих правительств. Однако он не принял и идею большевиков о борьбе за военное поражение своей страны. Война привела Рязанова к определенному сдвигу влево, к мысли о неизбежности скорого краха капитализма и способности лишь социализма вывести человечество из тупика мировой войны²⁰.

НА ВОЛНЕ РЕВОЛЮЦИИ

О победе Февральской революции Рязанов узнал в Цюрихе и уже в мае 1917 г. через Германию прибыл в Петроград. В списке научных работ Рязанова нет ни одной, написанной в этом году, так как он целиком ушел в революционную работу. В ходе нее он еще больше сблизился с большевиками. Позже Н.И. Бухарин вспоминал: "С т. Рязановым приходилось иногда встречаться в обстановке, когда наше дело, как казалось для многих, висело на волоске... В июльские дни 1917 года... это был бесстрашный человек, который стоял в цепи большевиков, не имея партийного билета в кармане"²¹. Вскоре после этого на VI съезде РСДРП(б) Рязанов вместе с возглавляемой Троцким группой межрайонцев был принят в партию большевиков.

В мае - октябре 1917 г. Рязанов активно включается в работу профсоюзов. Он, по словам С.А. Лозовского (с 1921 по 1937 г. он являлся генеральным секретарем Профинтерна), "бросается с величайшей энергией в профдвижение" и становится одним из руководителей Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов²². Активная работа Рязанова в профсоюзах, а также его предшествующая деятельность как социал-демократа и ученого способствовали тому, что он стал известен и далеко за пределами партии большевиков.

Он был избран депутатом Учредительного собрания от Одессы, делегатом на II Всероссийский съезд Советов, входил в состав его президиума. До начала 30-х годов он избирался и на последующие съезды Советов, а также на съезды, конференции партии, на Всероссийские съезды профсоюзов. В 1920 г. он стал депутатом Моссовета, входил в состав ВЦИК, а затем и ЦИК СССР, работал в его бюджетной комиссии.

Хорошо зная настроение народа и обстановку в стране, Рязанов осенью 1917 г. предвидел приближение новой революции. Однако он был против плана Ленина осуществить восстание до II съезда Советов. В это время он входил в ту довольно многочисленную группу ведущих членов партии, которые считали осуществление восстания политически опасным и несвоевременным делом. В исторической литературе было принято упоминать лишь Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. В действительности же они были далеко не одиноки в верхах

¹⁸ РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 78, л. 41.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 49-50.

²⁰ Рязанов Д. Международный пролетариат и война. Сборник статей 1914-1916 гг. М., 1919, с. 9.

²¹ Речь Н.И. Бухарина. - На боевом посту, с. 123.

²² Лозовский С.Л. Жизнь, которую стоит изучать. - На боевом посту, с. 140-141.

большевистской партии в своем сопротивлении революционному плану Ленина²³. Вот запись Ж. Садуля от 30 октября 1917 г.: "Плеханов считает, что "выступление", провозглашенное большевиками, начнется в ближайшее время... Руководство большевистского движения разделилось по вопросу о своевременности этой акции. Ленин и Троцкий требуют выступления. Каменев, Зиновьев, Рязанов и большинство других лидеров хотели бы избежать его, опасаясь неудачи и еще больше, может быть, успеха. Они понимают, что слишком много обещали, чтобы суметь все выполнить"²⁴. А.В. Луначарский в те дни писал жене (31 октября 1917 г.): "Мы образовали нечто вроде блока правых большевиков: Каменев, Зиновьев, я, Рязанов и др. Во главе левых - Ленин и Троцкий. У них - ЦК, а у нас все руководители отдельных работ: муниципальной, профсоюзных, фабрично-заводских комитетов, военной, советской"²⁵.

Историкам еще предстоит решить вопрос, насколько верна была позиция Рязанова и его единомышленников.

Рязанов был включен в состав Совнаркома комиссаром путей сообщения. При этом учитывалась не только его популярность среди рабочих, но и его тесные контакты с руководством Всероссийского профсоюза железнодорожников (Викжель), который играл большую роль в обеспечении работы железных дорог и занимал нейтральную позицию. Но на посту комиссара он пробыл недолго. Позднее Лозовский объяснял это тем, что Рязанов не укладывался "ни в какие правила, ни в какие расписания"²⁶. В действительности, однако, его отставка была вызвана несогласием с Лениным и Троцким по вопросу создания коалиционного социалистического правительства. Позднее Троцкий вспоминал, что Зиновьев, Каменев, Рыков, Луначарский и десятки других бешено боролись за коалицию с эсерами и меньшевиками²⁷.

Из дневника П.А. Лурье (17 ноября 1917 г.): "ЦИК Советов принял резолюцию, чтобы в однородном социалистическом министерстве была половина большевиков. Ленин и Троцкий требуют, чтобы большевиков было большинство. Тогда Ногин, Милютин, Рыков, Рязанов, Теодорович, Шляпников и Дербышев (комиссар печати) вышли из Совета Комиссаров, а Каменев, Зиновьев, Милютин, Ногин и Рыков и из ЦК партии"²⁸.

В заявлении народных комиссаров, к которым присоединился и Рязанов, отмечалось: "Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни"²⁹. В ответ на письмо Ленина с требованием к своим оппонентам подчиниться решениям ЦК³⁰ Рязанов писал: "Продолжая считать политику большинства ЦК ошибочной, я не могу отказаться от права подвергать ее критике, поскольку она находится в противоречии с принципами революционной социал-демократии"³¹.

²³ Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917 - февраль 1918. М., 1958, с. 116.

²⁴ Анисимов В. Глазами современников. - Комсомольское знамя, 7. XI. 1990.

²⁵ Вопросы истории КПСС, 1991, № 2, с. 43.

²⁶ Лозовский С.Л. Указ. соч., с. 141-142.

²⁷ Троцкий Л. Д. Указ. соч., т. 2, с. 258.

²⁸ Юность, 1990, № 10, с. 8.

²⁹ Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 136.

³⁰ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 70-71.

³¹ Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 143.

ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ

Разногласия Рязанова с Лениным, Троцким и рядом других руководителей партии большевиков в октябре - ноябре 1917 г. не были последними. С этого времени он прочно занял в партии позицию "инакомыслящего". При этом Рязанов, однако, никогда не примыкал ни к какой группе или фракции, а высказывал свою личную точку зрения. Он был самостоятельно мыслящим теоретиком и политиком. Независимость суждений, его бесстрашные критические выступления против практически всех руководителей РКП(б), включая и Ленина, создавали ему авторитет в партийной сфере. Сейчас, когда начался процесс критического переосмысления действий политики большевиков после 1917 г., на альтернативные точки зрения Рязанова тех лет следует, на мой взгляд, обратить более пристальное внимание. При этом было бы неверно преувеличивать "дальнозоркость" Рязанова, разделявшего многие заблуждения своих товарищей по партии. Но мыслил он более рационально и менее догматично и неоднократно, хотя и безуспешно, обращал их внимание на истоки будущих неудач и трагедий.

В марте 1918 г. на VII съезде Рязанов решительно выступил против Брестского мира. Исходя из ортодоксальной марксистской позиции, он считал, что этот мир сделает невозможной революцию в Западной Европе. Рязанов полагал, что, "только опираясь на пролетариат Западной Европы, мы в состоянии увлечь за собой крестьянские массы"³². Сомнения Рязанова были столь велики, что он в конце съезда объявил о своем выходе из РКП(б)³³. Лишь после начала Ноябрьской революции в Германии и революции в Венгрии Рязанов вернулся в партию. Обосновывая свое решение, он писал в апреле 1919 г.: "Я потому и выступил решительным противником Брестского мира, что считал его политическим актом, который должен был задержать неизбежный взрыв международной революции и ослабить пропагандистскую роль Октябрьской революции, толкая ее на путь компромиссов. История устранила этот пункт разногласия. Международная революция началась. Пролетарская Россия имеет теперь союзников в пролетарской Венгрии"³⁴.

На VII, VIII, IX, X и XI съездах Рязанов энергично выступал против диктаторского отношения партии к профсоюзам, за демократизацию общественной жизни, против ее вмешательства во все сферы общественной жизни, в том числе в организацию производства. Приведем лишь два высказывания Д.Б. Рязанова: "Пора перестать делить ЦК на различные камеры, пора перестать смотреть на него, как на буржуазное учреждение... Нам нужна группа товарищей, выполняющих постановление партийного съезда, когда этим постановлениям предшествовала настоящая дискуссия". "Наше ЦК совершенно особое учреждение. Говорят, что английский парламент - все может, но не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается"³⁵. Одним из первых он подметил стремление верхов РКП(б) к жестокой борьбе с инакомыслием, к бюрократизации деятельности

³² Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стенографический отчет. М., 1962, с. 73.

³³ Там же, с. 128.

³⁴ *Рязанов Д.* Международный пролетариат и война, с. IV.

³⁵ Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 75; Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959, с. 71; Девятый съезд РКП(б). Март - апрель 1920 г. Протоколы. М., 1960, с. 226-236, 253-257; Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963, с. 88-89; Одиннадцатый съезд РКП(б). Март - апрель 1922 г. Стенографический отчет. М., 1961, с. 79, 268.

Группа делегатов IX съезда РКП(б) (четвертый справа в верхнем ряду Д.Б. Рязанов)

партии и комсомола, склонность к антидемократизму. Все это свидетельствовало о том, что Рязанов видел порой гораздо дальше руководителей партии, предугадывал последствия их часто одномерной тактики, ориентированной на утопические военнoкоммунистические цели.

Некоторые руководители большевиков в ответ на критические высказывания Рязанова были не прочь навесить ему идеологический ярлык. Так, Н.И. Бухарин на VIII съезде партии заявил: "Тов. Рязанов, по моему убеждению, сохраняет в своей позиции элемент меньшевистской позиции. Я считаю, что эта точка зрения фактически сводится к так называемой "независимости" профессиональных союзов, которая защищается меньшевиками"³⁶. "Что такое преподнес нам Рязанов, - спрашивал на IX съезде партии Ю.Х. Лутовинov. - Самую злосчастную независимость профсоюзов только в несколько иной оболочке, но существо осталось - меньшевистско-эсеровско-обывательское, против чего мы в течение двух лет боролись самым ожесточеннейшим образом"³⁷.

Более дифференцированной и неоднозначной была позиция Ленина. Его реакция на очень едкую и резкую критику Рязанова была нередко не менее резка и иронична. Но в целом ряде случаев он, в отличие от своих коллег, признавал правильность мыслей Рязанова, высоко оценивал его практическую деятельность³⁸.

На примере Рязанова хорошо просматривается отношение руководства РКП(б) к инакомыслию. До начала 20-х годов оно допускалось на съездах и конференциях партии. Однако после X съезда отношение к нему стало более жестким. Особенно резко ЦК противодействовал попыткам инакомыслящих добиться осуществления на практике своих неортодоксальных идей. Это сразу

³⁶ Восьмой съезд РКП(б), с. 112.

³⁷ Девятый съезд РКП(б), с. 239.

³⁸ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 398; т. 43, с. 103.

же пресекалось и немедленно отражалось на деятельности инакомыслящего. Так случилось с Рязановым в мае 1921 г., когда фракция РКП(б) на IV Всероссийском съезде профсоюзов одобрила большинством голосов резолюцию не ЦК, а Рязанова, содержащую критику политики ЦК по отношению к профсоюзам и выдвигающую на передний план деятельности профсоюзов защиту интересов трудящихся. ЦК сразу же принял решение отстранить Рязанова от работы в профсоюзах. 19 мая 1921 г. ЦКК одобрил это решение³⁹.

Однако вытолкнуть Рязанова из политической жизни не удалось. Он продолжал в 20-х годах выступать на собраниях и вечерах, на съездах и конференциях, защищая более научный, рационалистический взвешенный подход к развитию экономики, выступая против "большого скачка", против диспропорции между легкой и тяжелой промышленностью, против преследований оппозиционеров.

Делегаты различных форумов с большим интересом относились к его выступлениям. Их привлекала смелость и неожиданность его суждений, умение остроумно ответить на любую реплику из зала. В стенограмме выступления Рязанова на XVI партконференции 15 раз стоит запись: "Смех". Иногда в стенограммах встречались слова "Хохот", "Продолжительный смех". Однако за всем этим, как правило, стояли очень серьезные вещи. Вот что писал об этой стороне выступлений Рязанова А.В. Луначарский: "Речи т. Рязанова сопровождаются часто смехом, и причиной этого смеха всегда является острота, почти классически литературная, очень тонкая и неожиданно часто очень больно разящая противника и иногда оставляющая каплю яда в царапине, которая отмечает место, где впиалась рязановская стрела"⁴⁰.

ОРГАНИЗАТОР СОВЕТСКОЙ НАУКИ (1918-1920 гг.)

Сведения о деятельности Рязанова в 1918-1920 гг. носят отрывочный характер. Известно, что он проживал в Петрограде до начала 1919 г., а затем переехал в Москву, был членом исполкома Центрального правления Всероссийского профессионального союза мастеровых и рабочих железнодорожников, вел в среде рабочих активную просветительскую работу. Вскоре после 1917 г. он организовывал лекции видных русских ученых перед рабочими Петрограда.

С весны 1918 г. Рязанов стал играть большую роль в научной жизни страны. Это было труднейшее время для ученых и научных учреждений. Существовала реальная угроза потерять все те значительные научные результаты, которые были накоплены до 1917 г., лишиться талантливейших ученых с мировым именем.

Одним из направлений научной деятельности Рязанова стало архивное дело. В годы революции архивы ожидала горькая участь, и Рязанов спас архивы нашей страны, разработав свою программу и возглавив в 1918-1920 гг. Главное управление архивного дела при Наркомпросе. Вторым направлением его организационной деятельности в 1918-1920 гг. стало общее руководство научной работой во главе Главного управления по науке при Наркомпросе. Известно, что на этой должности Рязанов занимался делами Академии наук, научных учреждений и учебных заведений страны, защищал интересы ученых, спасал их от голода, а иногда и от арестов.

³⁹ РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 3, д. 12754, л. 1; см. *Зверева Н.* Закулисная драма, или кто сломал хребет профсоюзам. - Труд, 30.1. 1992.

⁴⁰ *Луначарский А.В.* Соблазны и опасности высокой культуры. - На боевом посту, с. 58.

Третьим направлением научной работы Рязанова в эти годы стала деятельность в Социалистической Академии общественных наук, решение о создании которой было принято Совнаркомом в июне 1918 г. и подтверждено через 10 дней решением ВЦИК. Рязанов был действительным членом Соцакадемии и членом ее Президиума. В ней работали многие видные обществоведы, в том числе возглавлявший ее М.Н. Покровский, И.И. Скворцов-Степанов, А.В. Луначарский, Н.М. Лукин, А.А. Богданов, Н.И. Бухарин, А.М. Деборин, Ф.М. Фриче, В.П. Милютин и другие.

Социалистическая Академия, переименованная в 1924 г в Коммунистическую, несомненно, стимулировала развитие общественных наук в 20-е годы. Одновременно, однако, ее однобокая, игнорирующая немарксистские взгляды ориентация привела к все большему внедрению в общественные науки догматизма, а впоследствии и сталинизма.

ВО ГЛАВЕ ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Вначале институт существовал в рамках Социалистической Академии. Самостоятельным научным учреждением при ВЦИК он стал в июле 1922 г. К этому времени у института было уже свое помещение. Им стал бывший особняк князей Долгоруковых. Особое внимание Рязанов уделял "материальной" стороне научного исследования. Он скомплектовал уникальную библиотеку, одно из значительнейших книгохранилищ научного учреждения в мире и самую большую библиотеку по марксизму с редчайшими изданиями XIX в. Основную часть библиотеки составили книги и целые частные библиотеки, закупленные Рязановым в 20-х годах в Англии, Франции, Швеции, Германии и Австрии во время его ежегодных поездок за границу⁴¹. К началу 30-х годов общий фонд библиотеки института превысил 450 тыс. экземпляров.

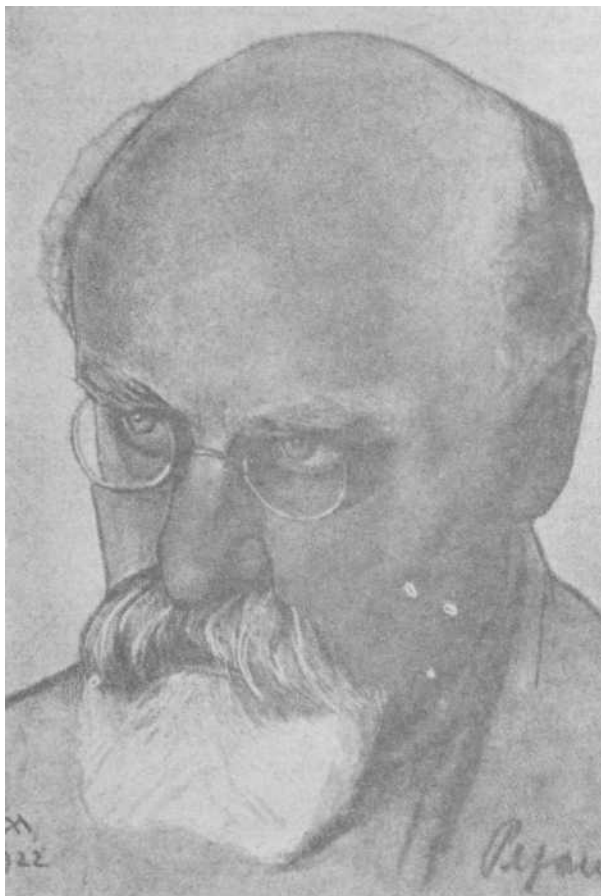
Вторым важным достижением стало издание в институте архива документов Маркса и Энгельса и их современников. При этом Рязанов использовал свои давние связи с руководством СДПГ и хорошее знание архивных материалов. В ноябре 1924 г. он получил от руководства СДПГ разрешение сфотографировать все рукописи Маркса и Энгельса. Перед съемкой он навел порядок в архиве СДПГ, добился возвращения в него материалов, осевших в личных архивах. Само фотокопирование было проведено в 1924-1927 гг. Были приобретены архивные материалы из других архивных и научных учреждений и библиотек. Поиски материалов проводились при помощи иностранных корреспондентов. Особенно большую работу для института проделал Б.И. Николаевский. Всего к 1931 г. институт располагал 15 тыс. документов в подлинниках и 175 тыс. - в фотокопиях⁴².

Особенно важно было то, что Рязанов сумел привлечь к работе Института целую плеяду талантливых ученых. Вот имена лишь некоторых из них: Г. Баммель, В. Волгин, А. Деборин, Н. Карев, М. Косвен, Е. Косминский, Г. Лукач, И.Л. Куппол, Ф. Потемкин, Ф. Ротштейн, Н. Лукин, И. Рубин, О. Руммер, Ю. Стеглов, Я. Стэн, Ц. Фридман, А. Удальцов, Э. Цобель, Ф. Шиллер. Рязанов оказывал большую помощь этим ученым. Некоторых из них, например бывшего члена ЦК Бунда И.И. Рубина, он спас из застенков ОГПУ, помог вернуться из ссылки в Москву, а затем взял на работу заведующим кабинета политэкономии.

Опираясь на созданные им самим материальные и научно-исследовательские предпосылки, Рязанов смог организовать невиданную по масштабам публикацию

⁴¹ *Рязанов Д.Б.* Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ВЦИК. М., 1923, с. 4-6.

⁴² *Смирнова В.А.* Указ. соч., с. 76.

Д.Б. Рязанов (1922 г.) - портрет художника Н. Андреева.

произведений Маркса и Энгельса, других мыслителей, в частности издание 25-томного собрания сочинений Г.В. Плеханова, работ Л. Фейербаха, Д. Рикардо, А. Смита, Д. Дидро, Г. Гегеля, П. Лафарга, В. Либкнехта, Т. Гоббса, К. Каутского, Д. Томана, Г.Ф. Ламеттри и других, а также выпуск отдельных работ историков Д.М. Петрушевского, Е.В. Тарле и А. Матъеза. Всего за первые десять лет работы институт опубликовал более 150 томов ценнейших научных изданий.

Сам Рязанов с 1921 по 1931 г. подготовил около 200 научных работ. Подавляющее большинство - это издательские предисловия, комментарии, вступительные статьи, пояснительные замечания. Эти материалы существенно отличаются от современных, часто безликих и общих издательских предисловий, в том числе к томам сочинений Маркса и Энгельса.

В памяти бывших сотрудников ИМЭ Рязанов остался разным. Одни жаловались на его резкость, на "проработки". Другие обнаруживали в нем добросердечие. "Суровый с виду человек, он отличается чрезвычайной мягкостью характера, одарен большим любвеобильным сердцем. Он в высшей степени человечен, отличается чрезвычайно чуткой совестью", - писал А.М. Деборин⁴³.

⁴³ Деборин А. Д.Б. Рязанов. - На боевом посту, с. 29.

Он резко выступал против пустословия. Вот один эпизод, переданный недавно ушедшей из жизни сотрудницей ИМЭ доктором исторических наук И.А. Бах: "У нас проходило профсоюзное собрание всего коллектива института. Приехал представитель ВЦСПС. Поднялся на трибуну и начал говорить о международном положении. Вдруг встает Рязанов и говорит: "Извините, я вас прерву. Зачем вы рассказываете о международном положении. Мы все читаем газеты и обо всем этом знаем сами. Вы лучше скажите нам, как лучше работать". Представитель ВЦСПС, не говоря ни слова, закрыл папку и удалился".

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, как ни одно научно-исследовательское учреждение, был обязан своим существованием и всемирной славой Рязанову. От него исходила сама идея создания этого института. Он сформулировал принципы его организации и претворил их в жизнь, создал все материальные предпосылки для научно-исследовательской и издательской работы, сколотил блестящий научный коллектив и, наконец, стоял у истоков практически всех изданий института. Без Рязанова подобного рода уникальный и научно-издательский центр марксведения никогда бы не возник. И советское марксведение как таковое вряд ли бы существовало.

В АКАДЕМИИ НАУК СССР

К концу 20-х годов Рязанов пользовался широкой известностью в стране и за рубежом. И не было ничего удивительного в том, что его включили в число десяти коммунистов-ученых, которые, по решению ЦК ВКП(б), были в 1928 г. выдвинуты кандидатами в академики. Наряду с Д.Б. Рязановым в это число вошли Н.И. Бухарин, А.Н. Бах, И.М. Губкин, А.М. Деборин, Г.М. Кржижановский, Н.М. Лукин, П.Н. Сакулин, М.Н. Покровский и Ф.М. Фриче.

Рязанов не стремился в академики. В марте 1928 г. он вместе с Покровским обратился к руководству партии с просьбой не включать его в список претендентов. Но эта просьба была отклонена⁴⁴.

К 1928 г. состав академии по сравнению с 1917 г. существенно не изменился. В нее входило 43 академика. Среди них были такие выдающиеся ученые, как И.П. Павлов, В.И. Вернадский, С.Ф. Платонов, А.М. Ляпунов, Е.В. Тарле, А.Е. Ферсман, Н.Я. Марр, А.Ф. Иоффе и др. Президентом академии был А.П. Карпинский, неизменным секретарем - академик С.Ф. Ольденбург.

8 апреля 1928 г. Совнарком принял решение, согласно которому число академиков должно было быть доведено до 85. Из них 40 новых вакансий отводилось гуманитариям. 12 апреля 1928 г. Академия наук объявила вакансии на 41 место. Претендентов оказалось 207⁴⁵.

Руководство ВКП(б) придавало особое значение довыборам академиков, оно надеялось покончить с независимостью академии, сделать ее послушной своей воле. И всему процессу избрания был придан с самого начала политический оттенок. В прессе активно поддерживалась коммунистическая десятка.

Д.Б. Рязанов не нуждался в такой поддержке. Он снискал к себе уважение в академической среде как организатор науки и как ученый. Поэтому он благополучно прошел выборы в Отделении гуманитарных наук, а 12 января 1929 г. на общем собрании АН СССР был избран академиком по специальности "история".

Наряду с Рязановым академиками стали еще шесть коммунистов. Трое же

⁴⁴ РЦХИДНИ, ф. 374, оп. 1, д. 1, л. 29.

⁴⁵ Брачев В.С. Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию.- Вестник Академии наук СССР, 1990, № 4, с. 121.

Д. Б. Рязанов с женой (20-е годы, Париж).

коммунистов - философ Деборин, историк Лукин и искусствовед Фриче, успешно пройдя выборы в Отделении гуманитарных наук, на общем собрании академии не получили необходимые две трети голосов. Этот результат выразил отношение академиков к этим ученым и в нормальных условиях не должен был вызвать никакого шока. Но в политизированной обстановке 20-х годов он был воспринят как политическая демонстрация против рабочего класса.

В печати развернулась кампания против старой академии. Некоторые авторы, в частности А.В. Луначарский, требовали ее чистки, избрания академиков всеми учеными страны⁴⁶.

Академик Рязанов также очень резко выступил против неизбрания Деборина, Лукина, Фриче. Его позиция была не совсем объективна. И это понятно. Ведь дело шло о его товарищах и друзьях, и он был склонен обращать меньше внимания на недостатки их научных работ и концепций, искренне считая их выдающимися учеными.

4 февраля 1929 г. Рязанов выступил на собрании научных сотрудников Первого московского государственного университета, где, осудив факт

⁴⁶ Известия, 5.И. 1929.

неизбрания трех коммунистов в академию, он высказался за ее коренную реорганизацию⁴⁷.

Президиум Академии наук сразу же осознал опасность невыборов трех коммунистов в условиях всевластия РКП(б) в стране. 12 января он обратился в Совнарком с просьбой провести перебаллотировку. 17 января это решение было утверждено большинством академиков на их общем экстраординарном собрании. 5 февраля Совнарком удовлетворил просьбу Президиума и общего собрания академии. Перебаллотировка была проведена 13 февраля 1929 г. Присутствовало 54 академика. На этот раз Деборин, Лукин, Фриче получили необходимое количество голосов и стали академиками.

Рязанов с присущей ему основательностью отнесся к началу своей деятельности в академии. Он был полон решимости осуществить и здесь грандиозные реформаторские идеи, приблизить академию к жизни страны. Итог своим размышлениям о судьбах академии Рязанов подвел в рукописи, подготовленной во второй половине февраля. Часть коммунистов-академиков считала, что нужна не коренная реорганизация академии, а ее "усмирение", разрушение ее аппарата. Точка зрения Рязанова была совсем другой. Он считал, что необходимо реорганизовать академию, создать ряд новых учреждений и институтов, главным образом вне Ленинграда - в Москве, в Харькове, в Киеве, в Тифлисе, в Минске, поставить академию под ближайший контроль Советской власти, пролетарского государства, освободить из-под влияния старых петербургских традиций, сделать ее не только на словах, а на деле Всесоюзной. В рукописи Рязанов дал понять, что, если будет принята концепция разрушения академии, он не собирается соучаствовать в ее претворении в жизнь: "Вступить в академию, чтобы изнутри разрушить ее - да стоила ли овчинка выделки?"⁴⁸.

Разногласия среди академиков-коммунистов, очевидно, побудили Оргбюро ЦК ВКП(б) 8 марта 1929 г. создать комиссию "для рассмотрения предложений, внесенных фракцией коммунистов-академиков о дальнейшем направлении и организации Академии наук СССР". О работе комиссии ничего не известно. По ряду признаков восторжествовала точка зрения оппонентов Рязанова, направленная не на реорганизацию академии, а на конфронтацию с ней, на ее "усмирение". Не был также одобрен план Рязанова создать в Москве институт истории и включить в его состав не только коммунистов, но и беспартийных, таких известных историков, как академики Е.В. Тарле и Д.М. Петрушевский.

Между тем 17 февраля 1929 г. Президиум академии принял решение выдвинуть двух кандидатов на пост вице-президента А.Е. Ферсмана и Д.Б. Рязанова. Выдвижение Рязанова на столь высокий академический пост отражало не только уважение к нему академиков, но и их согласие с его реформистскими идеями. Однако планам руководства академии не суждено было осуществиться. Рязанов по причине "нездоровья" отказался от лестного предложения, а также вообще от участия в деятельности комиссии по реорганизации академии и в работе ее весенней сессии.

Решительное отклонение Рязановым предложения стать кандидатом в вице-президенты Академии наук и его нежелание участвовать в работе ее сессий и комиссий объяснялись не только его нездоровьем. То был протест против политики ЦК, направленной на "усмирение" Академии наук.

В 1929-1930 гг. на Академию наук обрушились репрессии. Началась ожесточенная травля неугодных академиков, последовали аресты. Из академии были уволены почти 800 человек⁴⁹. По сути дела, уничтожался тот научный

⁴⁷ Известия, 5. II. 1929.

⁴⁸ См. *Рокитянский Я.Г.* Указ. соч., с. 142, 144.

⁴⁹ См. *Брачев В.С.* Указ. соч., с. 125-127.

потенциал, который был накоплен российской наукой, разрывалась преемственность, без которой невозможно нормальное развитие науки. Создавались предпосылки для застоя научной мысли в нашей стране. Предостережения Рязанова не были услышаны и на этот раз.

ЮБИЛЕЙ

В марте 1930 г. отмечалось 60-летие Рязанова и 40-летие его общественной деятельности. Чествование приобрело всесоюзные масштабы. На него отозвались многие организации и учреждения, как государственные, так и научные, многие политические деятели и ученые, простые люди.

10 и 11 марта в центральной печати были опубликованы приветственные адреса, письма, а также юбилейные статьи, посвященные академику Рязанову⁵⁰.

Заслуги Рязанова в деле собирания и разработки идейного наследия Маркса и Энгельса, в создании Института были отмечены в приветствиях и адресах ЦК ВКП(б), президиума Исполкома Коминтерна, исполкома Профинтерна, ВЦСПС, Реввоенсовета. Академика Рязанова поздравили Академия наук СССР, Комакадемия, Госиздат, Институт Красной профессуры, ЦИК СССР, Госакадемия художественных наук, Центрархив СССР, Музей революции СССР, Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями, работники советской энциклопедии, коллективы Ленинградской публичной библиотеки, Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, Ленинградского коммунистического университета, ЛГУ, Центрального бюро и московского областного совета секции научных работников, научные коллективы Института В.И. Ленина, Института К. Маркса и Ф. Энгельса и многое другие организации и учреждения.

Рязанов получил приветственные письма от ряда руководителей, в том числе от Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина, Председателя Совнаркома А.И. Рыкова, секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе, от Клары Цеткин и других деятелей рабочего движения.

14 марта 1930 г. было подписано постановление ЦИК СССР о награждении Д.Б. Рязанова орденом Трудового Красного знамени СССР за научные заслуги при создании ИМЭ. Для поощрения научных исследований по истории развития марксизма и разработки научных биографий Маркса и Энгельса ЦИК учредил премию имени Рязанова за лучшую марксоведческую работу⁵¹.

21 марта 1930 г. в помещении Комакадемии под председательством Калинина состоялось торжественное заседание. Докладчиком был академик Деборин, с речами выступили Катаяма, Лозовский, Ярославский, Покровский, Бухарин, Стеклов, Бах и др.

В связи с юбилеем Рязанова была издана большая книга "На боевом посту. Сборник к шестидесятилетию Д.Б. Рязанова". Она была подготовлена, как говорилось в посвящении, "товарищами, друзьями и сотрудниками", включала наряду с различного рода юбилейными материалами исследовательские статьи по проблемам философии, политической экономии, социологии и истории, а также ряд неопубликованных документов Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина. Сборник завершался списком работ академика Рязанова⁵². Последняя значилась под номером 334. Однако нужно учесть, что список был неполный: в него входили работы, опубликованные до конца 1929 г.

На юбилей откликнулись и за границей. В парижском "Бюллетене оппозиции"

⁵⁰ Правда, 10.11.1930; Известия, 10.11.1930; Комсомольская правда, 10.11.1930; Труд, 10.11.1930; Огонек, 1930, № 7.

⁵¹ Правда, 10.11.1930.

⁵² Дитятин В., Яковлева Л. Библиография работ Д.Б. Рязанова. - На боевом посту, с. 623-650.

появилась, в частности, статья Троцкого. В ней отмечалось: "Юбилей Рязанова связан для всех и каждого прежде всего с его гигантской научной работой в области собирания, восстановления и исторического истолкования идейного наследства Маркса - Энгельса. Неумоимость Рязанова в этой области также безгранична, как и его эрудиция. К этим качествам надо добавить третье, не менее ценное: идейную неподкупность. Отойдя от активной партийной борьбы, Рязанов никогда, однако, не сделал ни малейшей уступки тем методам, которые стали руководящими в лженаучных учреждениях сталинского аппарата. В то время как институт Ленина и Истпарт превратились за последние годы в гигантские мануфактуры исторических и теоретических фальсификаций, приуроченных к каждому очередному повороту генерального секретариата, Институт Маркса - Энгельса был и остается подлинно ученым и научным учреждением, где горит и светит марксистская мысль и где реставрируется, очищается, оттачивается, отчасти куется заново теоретическое оружие пролетарской революции"⁵³.

После марта 1930 г., казалось, ничто не предвещает грозы для Рязанова. Он продолжал свою научную работу, участвовал в заседаниях финансовой комиссии ЦИК СССР, в работе XVI съезда ВКП(б), а затем с конца июля 1930 г. находился за рубежом. Вернувшись в конце сентября в Москву, Рязанов снова окунулся в напряженную научно-исследовательскую, публикаторскую работу института. Но вскоре грянули события, которые в корне изменили судьбу ученого.

СТАЛИН И РЯЗАНОВ

Отношение Сталина к Рязанову всегда было отчужденным, даже враждебным. Сталин был нетерпим к инакомыслию, и выступления Рязанова на съездах и конференциях с резкой критикой политики ЦК не могли не вызывать у него раздражение и злобу. Особенно должна была задевать самолюбивого генсека резкая критика Рязановым бюрократических, антидемократических, централистских тенденций в работе ЦК и Оргбюро, т.е. тех сторон деятельности руководства, к появлению и стимулированию которых Сталин был непосредственно причастен.

Первое столкновение произошло 18 мая 1921 г. на заседании фракции РКП(б) на IV Всероссийском съезде профсоюзов, одобрявшей, как отмечалось, резолюцию Рязанова об отношении руководства партии к профсоюзам.

Известие о принятии фракцией резолюции Рязанова повергло ЦК в шоковое состояние. На ее заседании был послан Сталин. О том, что было дальше, рассказывает один из его участников А.М. Дурмашкин: "Выступление Сталина не содержало достаточной аргументации по существу вопроса и было выдержано в резких, раздраженных тонах, изобиловало грубыми личными выпадами в адрес Томского, Рязанова, да и самой фракции. Это вызывало в зале протесты, выкрики, нервозность. На реплики Рязанова, сидевшего сбоку на сцене, Сталин вместо критики по существу грубо бросил в его сторону: "Замолчите, шут гороховый". Рязанов вскочил, ответил тем же"⁵⁴. Вечером того же дня на заседании фракции прибыл Ленин и ему удалось склонить всех к тому, чтобы вместо резолюции Рязанова принять резолюцию ЦК.

Хамское поведение Сталина на заседании фракции РКП(б) никого не насторожило. Более того, с одобрения Ленина Сталин в апреле 1922 г. стал

⁵³ Бюллетень оппозиции, 1930, № 30, с. 31-32.

⁵⁴ Дурмашкин А.М. Внимание Ленина к профсоюзам. - В кн.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания 1900-1922. М., 1963, с. 529-530.

генсеком. Нэп сопровождался не демократизацией, а усилением репрессий по отношению к оппозиционным кругам как в самой РКП(б), так и за ее пределами. Этой политике хорошо соответствовал новый генсек. Инакомыслящий Рязанов же становился в этой партийной структуре лишним. И он был отнюдь не случайно отстранен от работы в профсоюзах.

Свое отрицательное отношение к Рязанову Сталин, став генсеком, проявил уже в конце 1922 г., запретив ему заниматься политической деятельностью. Реакция была немедленной. В сохранившейся копии письма в бюро фракции РКП(б) в Московском совете от 28 декабря 1922 г. Рязанов писал: "В виду заявления секретаря ЦК, что мне запрещена всякая политическая работа и что МК только по недоразумению выставил мою кандидатуру в Московский совет, я слагаю с себя обязанности члена Московского совета. Прилагаю при сем членский билет"⁵⁵.

Сталин всегда рассматривал Рязанова как инородный элемент в партии. В письме членам ЦК и ЦКК в октябре 1923 г., обосновывая необходимость доносов в партии, Сталин писал: "Тов. Троцкий удивляется тому, что на 6-м году диктатуры приходится применять специальные резолюции, требующие, чтобы члены партии, знающие о противопартийных группировках, сообщали об этом немедленно в ЦК и ЦКК. Мы в свою очередь удивляемся наивности тов. Троцкого. Тов. Троцкому превосходно известно, о каких членах партии идет дело. Дело идет о таких товарищах, напр. Рязанов, который давным-давно уже занял полувраждебную позицию по отношению к нашей партии"⁵⁶.

1 ноября 1926 г. Сталин упомянул Рязанова в заключительном слове к своему докладу "О социал-демократическом уклоне в нашей партии" в связи с одной из его реплик о позиции Маркса по вопросу о возможности мирного пути социального развития Англии и США. Он заявил, что не согласен с Рязановым, поскольку "Ленин думает об этом иначе"⁵⁷.

Рязанов в свою очередь не скрывал своего более чем скептического отношения к "теоретическим" рассуждениям Сталина. В биографии Сталина, написанной И. Дойчером, приведены слова Рязанова, сказанные им Сталину в середине 20-х годов после одного из собраний, обсуждавших вопрос о возможности победы социализма в одной стране: "Брось, Коба, не ставь себя в глупое положение. Все прекрасно знают, что теория не твоя сильная сторона"⁵⁸.

К концу 20-х годов их отношения оставались крайне напряженными. Об этом свидетельствуют и воспоминания известного биографа Энгельса немецкого историка Г. Майера, побывавшего в 1928 г. в СССР и встречавшегося с Рязановым. "Сразу же после нашей беседы, - писал Майер, - Рязанов спросил меня, с каким из ведущих деятелей России я хочу познакомиться. "Мне достаточно нажать эту кнопку, - сказал он, указывая на телефон - ... и любой из них будет в вашем распоряжении. Лишь со Сталиным я не советую вам знакомиться... Он не владеет ни одним из языков, какими владеете вы". Я назвал министра просвещения Луначарского, и Рязанов тут же по телефону договорился о встрече"⁵⁹.

Согласно воспоминаниям жены Д.Б. Рязанова, Анны Львовны, он в конце 20-х годов решительно воспротивился тому, чтобы вывешивать в своем институте портрет Сталина. А вот рассказ сестры Рязанова Берты Борисовны Шиф:

⁵⁵ РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 90, л. 1.

⁵⁶ Известия ЦК КПСС, 1990, № 7, с. 186.

⁵⁷ Сталин И.В. Сочинения, т. 8, с. 310.

⁵⁸ *Deutscher J.* Stalin. A Political Biography. London, 1967, p. 290.

⁵⁹ *Mayer G.* Erinnerungen. Vom Journalisten zum Historiker der deutschen Arbeiterbewegung. Zurich-Wien, 1949, S. 355.

"Однажды Сталин приехал в Институт Маркса и Энгельса, чтобы ознакомиться с его работой. В кабинете Рязанова на столе он увидел фотографии Маркса, Энгельса и Ленина. И, усмехаясь, спросил, почему здесь нет его фотографии. "Маркс и Энгельс - мои учителя, Ленин был моим товарищем, вместе с которым я работал, - сказал Рязанов и добавил - "А кто ты мне?"

Свою независимую позицию по отношению к Сталину Рязанов продемонстрировал в начале 1928 г., предложив Л.Д. Троцкому, главному оппоненту Сталина, исключенному уже из партии, принять участие в подготовке собрания сочинений Маркса и Энгельса на русском языке, перевести, в частности, книгу Маркса "Господин Фогт". При этом Рязанов учитывал его хорошее знание языков, прежде всего немецкого, и произведений Маркса и Энгельса⁶⁰.

Существовала еще одна серьезная причина ненависти Сталина к Рязанову. После 1917 г. Рязанов неоднократно активно выступал в защиту людей, ставших объектом политических преследований, и использовал свое влияние, в том числе и как члена ВЦИК и ЦИК СССР, для освобождения из тюрем видных меньшевиков и эсеров, а также членов других партий. Многих он брал тогда на поруки под личную ответственность. В 1922 г. благодаря его вмешательству были спасены жизни шести видных церковных деятелей Петрограда, приговоренных к расстрелу Революционным трибуналом в соответствии с директивным указанием Ленина в его письме В.М. Молотову для членов Политбюро от 19 марта 1922 г. На заседании Президиума ВЦИК 3 августа 1922 г., обсуждавшем прошение о помиловании, Рязанов доказал необоснованность обвинений. В 1922-1930 гг. к Рязанову обращались сотни людей, в том числе и немало известных ученых, с просьбами помочь преследуемым, арестованным, сосланным. Рязанов не оставлял без внимания ни одну просьбу⁶¹. Он постоянно обращался к руководителям ОГПУ и других учреждений с различного рода ходатайствами и смог выволить из тюрем, из концлагерей, из ссылки многих людей.

Эти действия Рязанова в 20-х годах чем-то напоминают правозащитную деятельность академика А.Д. Сахарова. Естественно, они вызвали раздражение Сталина - одного из главных инициаторов и организаторов "малого террора" 20-х годов, отличавшегося от "большого террора" 30-х годов лишь масштабами.

ТРАВЛЯ

Сталин всячески пытался помешать плодотворной работе Рязанова в институте и стремился скомпрометировать его. Проводниками его политики в институте стали прежде всего руководители партийной и комсомольской организаций института, находившихся под контролем ЦК. Активную роль в сколачивании в институте оппозиции Рязанову сыграли посланные туда ЦК так называемые стажеры. Один из них - Козлов - подготовил вместе с рядом сотрудников-иностранцев докладную записку и переслал ее в ЦК. Авторы записки требовали в корне перестроить деятельность института - перенести акцент с научно-издательской и исследовательской работы на утилитарно-пропагандистскую. Институт должен был, по их мнению, превратиться во всемирный духовный центр марксизма, снабжать все страны марксистской литературой и опираться на духовную и материальную поддержку

⁶⁰ *Троцкий Л. Д.* Ссылка, высылка, скитания, смерть. - Знамя, 1990, № 7, с. 179-190. См. также *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь, т. 2, с. 298. В это время Рязанов предложил сотрудничество и другим сосланным оппозиционерам, в частности Е.А. Преображенскому и Х.Г. Раковскому.

⁶¹ Центральный архив КГБ СССР, № Р 37 181, т. 3-9. *Рокитянский Я. Г.* Неизвестные письма российских ученых двадцатых годов. - Вестник Академии наук СССР, 1991, № 11, с. 92-118.

Коминтерна⁶². Примерно в том же, далеком от науки направлении хотело повести институт и руководство партийной и комсомольской организаций. Рязанова стали обвинять в недооценке ленинизма, интерпретированного в духе Сталина, требовать перестроить на принципах такого ленинизма работу института. Та же тенденция просматривалась и в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 июля 1929 г.⁶³

Летом 1928 г. была предпринята откровенная попытка скомпрометировать Рязанова как человека и ученого. "Комсомольская правда" опубликовала статью, представив его притеснителем, ретроградом, зажимщиком молодежи, капризным и даже аморальным человеком, не принимающим во внимание интересы коллектива. Статья была переполнена всяческими клеветническими измышлениями⁶⁴.

Рязанов никогда не оставался в долгу перед своими оппонентами. Принял он бой и в институте, резко выступив против вмешательства парторганизации в административные вопросы, в определение планов института. На VIII съезде ВЛКСМ он коснулся в числе другого и позиции ряда комсомольцев института, пытавшихся увести его с научного пути и проявлявших в работе непрофессионализм и недобросовестность⁶⁵.

Не оставил Рязанов без ответа и статью в "Комсомольской правде". Он подготовил через день после появления статьи рукопись "Вынужденный ответ", где сразу же определил инициаторов клеветнической статьи в газете: "Я слишком хорошо знаю, что "Комсомольская правда", даже под знаком стопроцентной самокритики, не напечатает ни одной строки, если эта строка - справедливо или несправедливо - направлена против тех, кого ей не разрешили тревожить". Пункт за пунктом он опроверг все измышления и в заключение отметил: "В течение десятков лет моей революционной деятельности мне пришлось неоднократно подвергаться личным нападкам всякой буржуазной литературной сволочи. Я думал, что кампания, которую вели против меня в 1917 г. "Русь" Суворина и "Петербургская газета", не может быть превзойдена по своей низости и пошлости. Я ошибся. На 11-м году диктатуры пролетариата в Союзе Советских Социалистических республик нашлась газета, называющая себя коммунистической, претендующая на роль "цензора нравов", которой удалось перешеголять эти, казалось бы, недостижимые образцы литературного паскудства, и не в полемике против классового врага, что извиняет старых Сувориных сынов, а против товарища по партии"⁶⁶.

Рязанов размножил и разослал текст в виде самиздата с надписью "На правах рукописи" в партийные организации важнейших учреждений и партийные газеты. Это обеспокоило инициаторов клеветнической статьи в "Комсомольской правде". Ведь Рязанов не только опроверг все наветы, но и ясно дал понять, что их вдохновителей следует искать в высших эшелонах партийной власти. Тогдашний председатель ЦК ВКП(б) Е. Ярославский обратился к Рязанову с просьбой прекратить рассылку его рукописи⁶⁷. В ответном письме Рязанов 7 августа 1928 г. отмечал: "Вы сами видите, как злоупотребили Вашим разрешением - писать о Рязанове, и всякий товарищ теперь увидит, что я был безусловно прав, когда писал, что многоуважаемая редакция "К. Пр." занимается травлей

⁶² РЦХИДНИ, ф. 374, оп. 1, д. 21, л. 13-14.

⁶³ Известия ЦК ВКП(б), 1929, № 19, с. 17.

⁶⁴ Комсомольская правда, 14.VII.1928.

⁶⁵ VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. 5-16 мая 1928 г. Стенографический отчет, М., 1928, с. 157-158.

⁶⁶ РЦХИДНИ, ф. 374, оп. 1, д. 21, л. 15.

⁶⁷ Там же.

некоторых товарищей только с предварительного разрешения и что ей в таких случаях наплевать не только на интересы учреждений типа ИМЭ, значение которого ей непонятно, но и на интересы партии"⁶⁸.

Рязанову удалось успешно противостоять травле, организованной против него в 20-х годах Сталиным, и сохранить свою независимую позицию и автономное положение своего института не только благодаря своей решительности и огромному авторитету. В конце 20-х годов в руководстве партии и государства еще находились влиятельные лица, высоко ценившие Рязанова и оберегавшие его от гнева генсека. К их числу относились Бухарин, Рыков, Томский, Калинин, Енукидзе и другие старые большевики.

К началу 30-х годов обстановка резко изменилась. Сталину удалось отстранить от руководства ВКП(б) Бухарина, Рыкова, Томского и их сторонников и навязать стране свой политический курс. Началось искоренение инакомыслия в партии и общественных науках, превращение их в пропагандистское оружие для обоснования своей авантюристической политики и усиления своей власти. Рязанов, как один из инакомыслящих, неизбежно должен был стать жертвой этой политики.

9 декабря 1930 г. Сталин пригласил группу слушателей Института Красной профессуры, в числе которых присутствовал философский оруженосец сталинизма М.Б. Митин, записавший эту беседу. Сталин поставил перед присутствовавшими задачу "развернуть всю критику": "Бить - главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били. Готовьтесь к боям. Не забудьте Рязанова. Вообще Институт Маркса и Энгельса у нас на отлете"⁶⁹.

Сигнал был сразу же услышан. В "Правде" появилась статья Б. Базилевского с резкой критикой учебного материала Певзнера по историческому материализму за то, что в нем встречались идеи, не созвучны с догматическими представлениями Сталина. "Автор, - писал Базилевский, - игнорирует новое в ленинском учении по самым основным вопросам. Он даже боится говорить о новой, высшей ленинской ступени в развитии марксизма. В этом отношении он следует по стопам меньшевистских концепций Деборина, Карева, Рязанова, Стэна, Ваганяна и их окружения, которые считают, что ленинизм ничего нового не дает для развития марксистского учения"⁷⁰.

Практически все обществоведы, ставшие в то время объектами нападок, предпочитали "не высовываться". По-другому поступил Рязанов. Он немедленно ринулся в бой. В письме в редакцию "Правды" от 16 января 1931 г. он опроверг предъявленное ему обвинение. "Я был бы... весьма благодарен редакции, если бы она сообщила мне, на основании каких документов она выставляет эти обвинения... Ведь нужно же быть полнейшим идиотом, чтобы считать, что ленинизм ничего не дает для развития марксистского учения. Вопрос только в том, о каком учении идет речь, в какие вопросы революционной теории и практики марксизма внес свои "вклады" Ленин"⁷¹, - писал он.

Через некоторое время Рязанов получил от редакции "Правды" ответ, построенный на его высказываниях, вырванных из контекста. В нем утверждалось, что Рязанов "продолжает стоять в ряде важнейших вопросов на позициях меньшевистского идеализма"⁷².

2 февраля 1931 г. Рязанов отправляет в редакцию "Правды" большое письмо, в котором аргументированно доказывал несостоятельность упреков в его адрес,

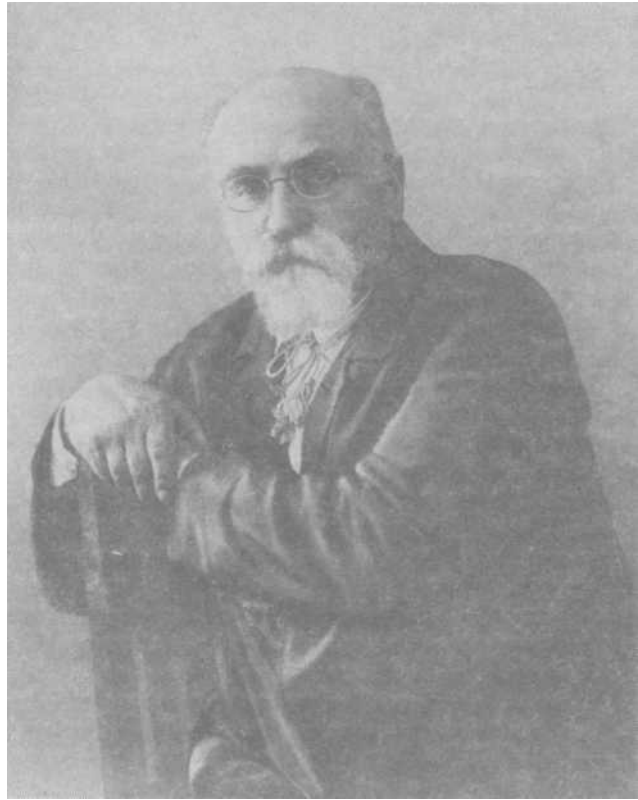
⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Смирнова В.А. Указ. соч., с. 83.

⁷⁰ Правда, 15.I.1931.

⁷¹ РЦХИДНИ, ф.301, оп.1, д. 90, л. 65.

⁷² Там же, ф. 374, оп.1, д. 21, л. 30-35.

Д.Б. Рязанов накануне ареста (1930 г.).

некорректность в использовании цитат, выступил против фальсификации своей деятельности и взглядов. В письме есть и ряд интересных теоретических положений. Так Рязанов высказался против одностороннего выпячивания значения философии как всеобщей науки, дающей якобы "решение всех конкретных вопросов практической жизни", а также против стремления решать все конкретные вопросы ссылками на диалектику, теорию познания. "Эта теория познания и диалектика, - писал он, - могут дать нам только общую методологию. Было бы смешно, нелепо, глупо думать, что она может дать ключ ко всем отделам конкретного знания... Благодаря этой философской эпидемии размножаются с ужасающей быстротой специалисты по "тактике" всевозможных наук - истории, политэкономии, права, физики, химии, биологии и т.д., и т.д. и в то же время совершеннейшие халтурщики в любой из этих специальных наук, знающие все "вообще" и ничего конкретно"⁷³. Эти размышления, на наш взгляд, раскрывают истоки многих кризисных явлений в развитии советской науки, в том числе позднейших попыток некоторых псевдоученых с помощью философских рассуждений решать научные споры по проблемам генетики, биологии, кибернетики, политэкономии и т.д.

Переписка Рязанова с редакцией "Правды" не увидела свет на страницах этой газеты. Редакция отклонила также предложение Рязанова организовать дискуссию по вопросу о роли Ленина в развитии диалектического материализма.

⁷³ Там же, л. 26-27.

Она дала понять, что время дискуссий прошло и что, поскольку ЦК уже высказал свою точку зрения, "этот вопрос для партии отнюдь не дискуссионный".

В первой половине февраля 1931 г. Рязанов подготовил еще один теоретический документ - письмо в Президиум Комакадемии. В нем он изложил свое отношение к философской дискуссии, организованной осенью 1930 г. Культпропом ЦК для разгрома группы оригинально мыслящих философов во главе с заместителем директора ИМЭ академиком А.М. Дебориным, и прокомментировал резолюцию президиума Комакадемии от 11 января 1931 г. Хотя сам Рязанов не был согласен со многими идеями этих философов, он считал долгом защитить их. Рязанов выступил против навешивания идеологических ярлыков и с очевидностью доказал, что эта кампания была начата руководством Комакадемии по указке свыше.

В этом письме Рязанов конкретизировал свои представления о ленинизме и выступил против абсолютизации научного значения взглядов Ленина, за их конкретный научный анализ. "Тов. Деборина и его группу, - отмечал он, - обвиняют в отрицании "ленинизма в философии, как новой и высшей ступени развития диалектического материализма". Когда такое обвинение выдвигается философскими младенцами, которые думают, что марксизм так же легко путем декрета ИКП [Институт Красной профессуры] переименовать в ленинизм, как Петроград - декретом ЦИК в Ленинград, а Царицын - в Сталинград, то это еще понять можно. Но когда это делает Президиум Комакадемии, он сначала должен доказать, что ленинизм есть "целое и цельное мировоззрение", что он "снял" или "схоронил" марксизм в области философии, права, экономики, истории, он сначала должен подвергнуть уничтожающей критике все работы Ленина, доказывающие прямо противоположное. Если мы строим и должны строить социализм в одной стране, то безнадежной утопией было бы строить науку в одной стране и для одной страны!"⁷⁴

Интересны мысли Рязанова по поводу принципа партийности философии. Не отрицая его необходимость, он писал, что "этот принцип, вопреки мнению наших красных философов, вовсе не включает в себя требование отстаивать с точки зрения диалектического материализма всякое постановление ЦК"⁷⁵.

В письмах в редакцию "Правды" и в Президиум Комакадемии Рязанов фактически выступил против сталинизации общественных наук, против идей и методов, которые стали в последующие десятилетия определять их развитие. На свободе Рязанову оставалось быть считанные дни.

РАСПРАВА

Сталин решил расправиться с ненавистным ему ученым и общественным деятелем с помощью ОГПУ путем фабрикации уголовного дела. В ночь с 23 на 24 декабря 1930 г. был арестован и привлечен к делу о так называемом "Союзном бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)" бывший сотрудник Института К. Маркса и Ф. Энгельса И.И. Рубин.

Весь этот процесс с начала до конца был сфабрикован по сценарию Сталина. Не существовало никакого Союзного бюро, никакого ЦК РСДРП, никаких документов, фигурировавших на процессе. Все было сфабриковано ОГПУ, которое соответствующим образом "подготовило" к судебному спектаклю всех обвиняемых. Их заставили говорить о своем членстве в никогда не существовавшем Союзном бюро ЦК РСДРП, о никогда не имевших место

⁷⁴ Рокитянский Я.Г. Указ. соч., с. 147.

⁷⁵ Там же, с. 148.

контактах с зарубежной организацией меньшевиков, о планах интервенции и т.д.⁷⁶

Рубин действительно какое-то время был членом ЦК Бунда, примыкавшего к партии меньшевиков. Однако во второй половине 20-х годов он полностью отошел от политической деятельности. Его арестовали и привлекли к процессу специально для того, чтобы с помощью его "показаний" публично скомпрометировать академика Рязанова и расправиться с ним. Вначале у организаторов процесса не все ладилось. Несколько недель Рубин решительно отказывался участвовать в показательном процессе и оговаривать Рязанова. Но в конце концов этот человек с большим сердцем не выдержал бесконечных изверств и согласился давать "показания".

Сестра Рубина Б.И. Желтенкова отмечала, что ее брат согласился признать, что он был членом программной комиссии Союзного бюро и хранил в своем рабочем кабинете в институте документы меньшевистского Центра, которые, уволившись из института, в запечатанном конверте якобы передал Рязанову как материалы по истории социал-демократического движения. По словам сестры, Рубин "решил поставить вопрос так, что он обманул Рязанова, который ему безгранично доверял. И это положение о личном доверии Рязанова и об обмане этого доверия Рубиным брат упорно проводил во всех своих показаниях"⁷⁷.

Когда ОГПУ наконец удалось получить нужные "показания" Рубина, а также написанное под диктовку следователя его письмо Рязанову от 8 февраля 1931 г. с просьбой вернуть ему никогда не существовавшие документы, было решено начать расправу. "12 февраля вечером, - вспоминал позднее Рязанов, - меня вызвал по телефону т. Сталин в ЦК и в присутствии т. Молотова предъявил мне письмо Рубина. В этом письме, адресованном мне, Рубин писал, что передал мне на хранение запечатанный конверт с документами по истории РСДРП. Я заявил, что никакого конверта с документами от Рубина не получал, что письмо его может быть только актом психически больного, насмерть перепуганного человека. Тт. Сталин и Молотов ответили, что считают необходимым произвести обыск в Институте Маркса и Энгельса. Вслед за этим, по вызову т. Сталина, приехали тт. Менжинский и Прокофьев. В тот же вечер под руководством т. Прокофьева, которому я передал ключи от несгораемых шкафов... начался обыск в Институте Маркса и Энгельса. В ночь с 15 на 16 февраля я был арестован. Обыск в моей квартире произведен был после моего ареста"⁷⁸. Ордер на арест Рязанова был подписан Г.Г. Ягодой. После обыска квартира Рязанова была опечатана. Также поступили и со всеми кабинетами института. На следующий день после ареста Рязанов заочно был исключен Президиумом ЦКК из партии за то, что, "зная о контрреволюционной деятельности меньшевиков, находящихся в СССР, оказывал им помощь, связывал их между собой и с Заграничным центром меньшевиков (хранил переданные ему меньшевиком И.И. Рубиным директивы письма Заграничного бюро меньшевиков о блоке с буржуазными партиями и о подготовке их интервенции)"⁷⁹.

"Контрреволюционные" документы, в хранении которых обвиняли Рязанова, ему так и не предъявили. И это понятно. Рязанов без труда разоблачил бы фальсификаторов. Их не предъявили и на следствии. Чтобы создать впечатление

⁷⁶ *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990, с. 235-253; Письмо Сталина В.П. Менжинскому (начало октября 1930 г.). - Коммунист, 1990, № 11, с. 99-100.

⁷⁷ *Медведев Р.Л.* Указ. соч., с. 250. См. также показания И.И. Рубина. - Центральный архив КГБ СССР, № Н-7824, т. 11, л. 13-188.

⁷⁸ Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408.

⁷⁹ Правда, 1.III.1931.

о существовании писем, Рубина на процессе заставили "изложить" их содержание⁸⁰.

Вначале Рязанова заключили во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Все следствие ограничивалось лишь проведением 20 февраля 1931 г. очной ставки Рязанова с Рубиным. Они должны были письменно ответить на заранее подготовленные вопросы следователя. Задавать вопросы Рубину Рязанову не позволили. От проведения такой очной ставки Рязанов после своих ответов на три вопроса отказался. У Рубина был запуганный вид, он дрожал и с трудом выдавливал из себя слова. Согласно протоколу очной ставки в своих ответах Рязанов отверг утверждения Рубина о том, что он будто бы предупредил его о предстоящем аресте, о том, что Рубин якобы дал ему понять, что связан с меньшевиками, и, наконец, категорически отрицал факт передачи конверта с документами⁸¹.

После очной ставки Рубина, по воспоминаниям его сестры, отвели в камеру, где "он начал биться головой об стену". "Кто знал спокойствие и выдержанность Рубина, может понять, до какого состояния он был доведен"⁸², - писала она.

Стремление следствия не давать Рязанову информацию по его делу и не допрашивать объяснялось желанием ограничить возможность его самозащиты. Было ясно, что Рязанов не будет сидеть сложа руки. И действительно, 23 февраля 1931 г. он отправил письмо в Политбюро ЦК и в Президиум ЦКК ВКП(б), в котором доказывал нелепость и абсурдность предъявленных ему обвинений и подробно описал свои отношения с Рубиным. "Я ни душой, ни телом не повинен в том поступке, который возводит на меня гнуснейшим образом мой бывший сотрудник"⁸³, - писал он. Никакого ответа на свое обращение Рязанов не получил.

С 1 по 9 марта 1931 г. в Москве проходил процесс против "контрреволюционной организации меньшевиков". Это отразилось на положении Рязанова. "26 февраля, - вспоминал Рязанов, - было мне объявлено, что начиная с 27 февраля мне на некоторое время будет прекращена доставка газет ("Правда" и "Известия") и что следствие будет возобновлено через несколько дней. Но уже в ночь с 28 февраля на 1 марта я был переведен в Суздальский политизолятор, где начал получать газеты только после 15 марта"⁸⁴.

В первой половине марта в "Правде" и "Известиях" публиковалась стенограмма процесса, во время которого государственный обвинитель Н.В. Крыленко допрашивал Рубина, а также другого бывшего сотрудника ИМЭ В.В. Шера и выставлял Рязанова предателем партии. 2 марта 1931 г. "Правда" напечатала статью работника ЦК А.М. Стецкого "Меньшевики перед пролетарским судом", значительная часть которой была посвящена охаиванию Рязанова. Соответствующим образом представлялась вся его политическая и научная деятельность: автор назвал его "всего лишь несурзной копильной лампой", "политическим шатуном", "талмудистом, начетчиком от марксизма", далеким от "живого революционного, действенного духа марксизма". Излагались в статье и сфабрикованные ОГПУ обвинения в адрес Рязанова. "Ничто не сможет смыть с него пятна этого отвратительного предательства", - писал Стецкий. Стиль статьи дает основание предполагать, что к ней приложил руку и Сталин. В первой половине марта в "Правде" и "Известиях" появились и другие материалы, направленные против Рязанова: упомянутое Постановление ЦКК о

⁸⁰ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта - 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса. Обвинительное заключение и приговор. М., 1931, с. 143-149.

⁸¹ РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 3, д. 12754, л. 47-48.

⁸² *Медведев Р.А.* Указ. соч., с 252.

⁸³ РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 3, д. 12754, л. 55.

⁸⁴ Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408.

его исключении из партии, сообщения об исключении Рязанова из Академии наук, из Комакадемии⁸⁵.

В начале апреля на глаза Рязанову попал номер журнала "Большевик", где Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса (его возглавил В.В. Адоратский) было опубликовано письмо Маркса дочери Женни от 10 апреля 1881 г. Публикаторы, бывшие коллеги Рязанова, обвиняли его в том, что он скрыл это письмо из-за резко критического отзыва Маркса о К. Каутском. "Рязанов так много распространявшийся на тему о том, что он, в противоположность Бернштейну, дает не фальсифицированного Маркса, печатает письма якобы без всяких сокращений, - писали они, - в данном случае тщательно скрывал оригинал этого письма, чтобы оградить авторитет Каутского, а на самом деле вычеркивал из этого письма убийственную характеристику Каутского"⁸⁶.

10 апреля 1931 г. Рязанов из Суздальского политизолятора послал письмо в редакцию, в котором объяснял, что это письмо Маркса было получено им от сестры Ю.О. Мартова под честное слово, что он пока не опубликует его. "На мертвого все можно валить. Но надо все-таки знать меру", - писал он⁸⁷.

11 апреля Рязанов направил письмо в Коллегию ОГПУ с требованием перевести его из Суздальского изолятора во внутреннюю тюрьму ОГПУ в Москву. Он писал о невыносимых условиях содержания, о начавшихся сердечных приступах и грозящей инвалидности. "До сих пор не знаю также, в каком состоянии находится следствие по моему делу"⁸⁸, - добавлял он. На следующий день Рязанова переводят в Москву, а через четыре дня Особое совещание коллегии ОГПУ, ссылаясь на 58 статью пункт 4 Уголовного кодекса, постановило Рязанова выслать в г. Саратов под гласный надзор, считая срок высылки с 16 февраля 1931 г.

К середине апреля Рязанов был ославлен на всю страну. Его скомпрометировали как человека, общественного деятеля и ученого, вытолкнули из всех учреждений и организаций, представили предателем. В защиту Рязанова выступили лишь отдельные ученые за рубежом. Откликнулся и Л.Д. Троцкий, прямо связывавший арест Рязанова с его независимыми взглядами, нежеланием прислуживать Сталину. "Рязанов, - писал Троцкий, - был органически неспособен подличать, подхалимствовать, упражняться в излиянии верноподданнических чувств... Если бы Рязанов где-нибудь хотя бы в нескольких словах намекнул на то, что Маркс и Энгельс были только предтечами Сталина, то все козни молодых негодяев сразу рассыпались бы прахом, и никакой Крыленко не осмелился бы вменить Рязанову в вину его потачки по отношению к переводчикам-меньшевикам. Но на это Рязанов не пошел. А на меньшее Генеральный секретарь не мог примириться"⁸⁹.

В САРАТОВСКОЙ ССЫЛКЕ

(апрель 1931 - февраль 1934 гг.)

18 апреля 1931 г. Рязанов был доставлен к месту своей второй трехлетней административной ссылки. Сразу по приезде в Саратов Рязанов просмотрел подшивки "Правды" и "Известий" за первую половину марта 1931 г. и впервые узнал об исключении из партии, из Академии наук, из Комакадемии, ознакомился с клеветнической статьей Стецкого, с "показаниями" Рубина и Шера на процессе,

⁸⁵ Правда, 1, 3, 6, 12. III.1931.

⁸⁶ Большевик, 1931, № 5, с. 76.

⁸⁷ РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 3, д. 12754, л. 20.

⁸⁸ Центральный архив КГБ СССР, № Р 37181, т. 2, л. 120.

⁸⁹ Троцкий Л.Д. Дело Рязанова. - Бюллетень оппозиции, 1931, № 21/22, с. 21.

с теми чудовищными обвинениями, которые были выдвинуты против него. Он впервые смог осознать масштабы коварства Сталина, лишившего его возможности защищаться.

Рязанов сразу же отреагировал на это письмом в Президиум ЦКК 28 апреля 1931 г., в котором, в частности, говорилось: "Постановление Президиума ЦКК мотивирует мое исключение из партии такими обвинениями, о которых за все время никто не сказал мне ни единого слова, о которых я узнал только теперь.

Если я действительно виновен в том, что оказывал меньшевикам помощь, связывал их между собою и с Заграничным центром меньшевиков, то я совершил величайшее преступление против партии и советской власти.

В виду того, что это обвинение находится в самом непримиримом противоречии со всем моим революционным прошлым, я прошу в срочном порядке пересмотреть мое дело и дать мне возможность представить свои объяснения по поводу материалов и документов, на которых основывается такое тяжкое обвинение.

Я признаю, что в деле управления и руководства Институтом я, несомненно, совершил ряд промахов и ошибок, но я совершенно неповинен в тех преступлениях, в которых меня теперь обвиняют"⁹⁰.

В мае 1931 г. письмо Рязанова побывало в ЦКК и в ЦК ВКП(б). Его, безусловно, прочел и Сталин, чья позиция отразилась в короткой пометке, сделанной зелеными чернилами его главным прислужником в ОГПУ Ягодой: "Секретно. В архив! Ягода 21.V.31. Решено не отвечать на это письмо"⁹¹.

Рязанов, вероятно, очень скоро понял, что справедливости ему не дожидаться. А пока сотрудники управления ОГПУ по Саратовскому краю подыскивали ему квартиру. В конце концов Рязановых поселили в небольшом одноэтажном домике на улице Камышинской № 85 (сейчас ул. Рахова № 85) в квартире из трех комнат, с кухней и погребом. В одной комнате был устроен кабинет Рязанова, вторая использовалась как спальня, третья - как гостиная. Окна кабинета и спальни выходили на улицу. Квартира была неплохой. Но все портило отсутствие канализации, что создавало невыносимые санитарные условия.

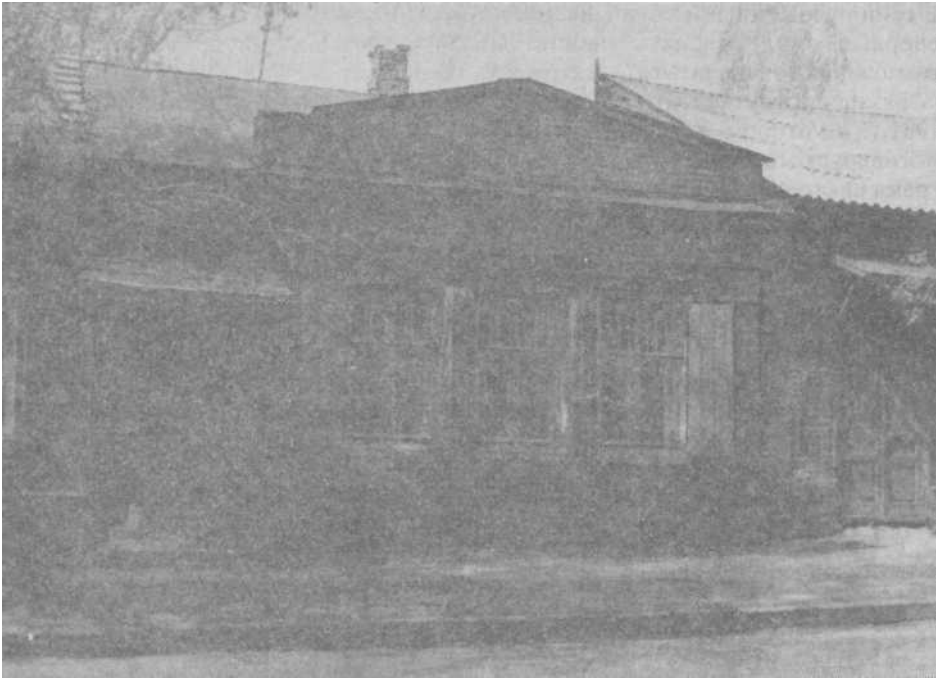
О жизни Рязанова в Саратове до начала 1934 г. известно мало. В это время он нигде не мог работать, мало с кем общался. В г. Энгельсе, который отделен от Саратова лишь Волгой, проживали родственники жены Рязанова - ее племянница Анна Либих с мужем и тремя детьми: Львом, Зинаидой и Леной. Еще находясь в Москве, Рязановы оживленно переписывались с ними, присылали детям подарки, прежде всего книги. Теперь эти родственные отношения значительно укрепились. Изредка Рязановы ездили в Энгельс. Гораздо чаще приезжали в Саратов Либихи, они и помогли Рязановым навести порядок в квартире. Этим старым больным людям было, конечно, нелегко вести хозяйство. Позднее удалось найти домработницу - немку Берту из г. Энгельса, которая стала как бы членом их семьи.

Родственники Рязанова любезно предоставили в распоряжение автора очерка десять писем Рязанова, адресованные его внучатым племянникам, и несколько десятков писем его жены. Письма выявляют кажущиеся на первый взгляд неожиданными для этого человека, способного на очень едкие и злые выступления, чуткое, нежное, доброе, заботливое отношение к детям.

Нельзя сказать, что Рязановы в Саратове бедствовали. Как орденосец Рязанов имел определенные льготы, и это выручало их в трудные времена страшного голода в Поволжье в 1932 и 1933 гг. Есть сведения о том, что

⁹⁰ РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 1, д. 12754, л. 16-19.

⁹¹ Там же, л. 19.

В этом домике в г. Саратове Д.Б. Рязанов жил в 1931-1937 гг. в ссылке.

Рязанов в эти голодные годы помогал, чем мог - деньгами и едой, всем окружающим его людям, прежде всего больным и умирающим старикам и детям из своего двора, многих спас от голодной смерти⁹².

Рязанов старался и в Саратове не отстать от жизни, выписывал много газет и журналов, получил доступ к "Роте фане", "Юманите", "Кёльнише цайтунг" и к ряду других иностранных газет⁹³. Некоторые из них ему пересылали родственники из Москвы.

В первый год пребывания в Саратове мысли Рязанова вращались вокруг событий, обрушившихся на него в середине февраля 1931 г. В конце концов он решил подойти к этому вопросу как исследователь: хладнокровно рассмотреть и опровергнуть выдвинутые против него обвинения. В феврале 1932 г. эта рукопись, озаглавленная "Мое показание", была завершена.

Рязанова осудили без суда и следствия. Ему так и не дали возможности защититься, дать показания по своему делу. Рукопись как бы возмещала это.

"Так как состояние моего здоровья и возраст делают все более вероятной какую-нибудь фатальную случайность, то я решил уже теперь дать для суда истории ответ на те обвинения, которые стали мне известными после выхода из тюрьмы, по приезде в Саратов", - писал он в рукописи.

Вначале Рязанов дал общую картину того, как он был арестован и оказался в Саратове, и затем аргументированно опроверг одно за другим все обвинения в свой адрес, назвав их чудовищными, дикими, нелепыми и находившимися в вопиющем противоречии со всем его революционным прошлым и характером.

⁹² Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408, л. 22; Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в деревнях Поволжья. - Вопросы истории, 1991, № 6, с. 176-181.

⁹³ Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408, л. 187-188.

Шаг за шагом, опираясь на конкретные факты, Рязанов опроверг все, что говорили на процессе Рубин и Шер. Он указывал на противоречия в их показаниях, доказывал абсурдность версии о передаче ему на хранение запечатанного конверта с какими-то документами. Так же убедительно опроверг Рязанов и обвинение в пособничестве меньшевикам⁹⁴.

Рукопись "Мое показание" - уникальный биографический документ. Она дает представление о многих интересных эпизодах из жизни Рязанова в 20-х годах, доказывает, что Сталину не удалось поставить его на колени. В следственном деле хранятся два идентичных чистовых варианта этой рукописи. На одной из них значится: "В Президиум ЦКК". Скорее всего, однако, Рязанов решил не отправлять рукопись в Москву. Не исключено, что он собирался при случае показать ее тем людям, мнением которых дорожил.

НАУЧНЫЙ ПОДВИГ

После прибытия в Саратов Рязанов тяжело и долго болел, но в конце концов выкарабкался. Вероятно, помог опыт, накопленный им в царских тюрьмах и ссылках. Родственники Рязанова вспоминают, что для него в то время была характерна чрезвычайная организованность, самодисциплина, жесточайший режим. Все время было расписано по минутам. День начинался, как всегда, с интенсивной физической зарядки. Ни на день Рязанов не прекращал свою работу. Свет в его кабинете горел до трех-четырех часов утра.

Полноценно заниматься научной работой Рязанов в первые годы ссылки не мог - у него отсутствовали необходимые для этого источники. В начале 1934 г. Рязанов писал: "У меня были отняты и до сих пор не возвращены все книги и материалы, все рукописи, выписки и заметки, находившиеся в моем кабинете в Институте Маркса и Энгельса. Я лишен был возможности воспользоваться и той огромной массой книг, брошюр, документов, рукописей и корреспонденции Маркса и Энгельса, а равно и материалов по истории Первого Интернационала, собранных мною и полученных от Лауры и Поля Лафаргов, Бебеля, Каутского и др. за 1907-1917 гг., переданных мною в Институт. Три года я был обречен на интеллектуальный голод, три года не имел возможности следить за иностранной литературой по моей специальности. До сих пор я не могу получить даже те тома собраний Маркса и Энгельса на русском и немецком языках, которые были подготовлены, обработаны и отредактированы мною и вышли в 1931-33 гг. под именем Адоратского и др.!"⁹⁵

Но и в этих условиях Рязанов сумел найти тот вид научной работы, которым мог заняться в Саратове. Со второй половины 1932 г. он стал уделять внимание переводам произведений выдающихся мыслителей XIX в. В частности, взялся за осуществление гигантской задачи - подготовки полного собрания сочинений Давида Рикардо. Уже в 1908 г. Рязанов издал главную работу Рикардо "Начала политической экономии податного обложения"⁹⁶. Мысль же о полном собрании сочинений Рикардо появилась у него в 20-е годы. Он хотел подготовить это издание в рамках института, но осуществить этот план было нелегко, и он решил вначале ограничиться переизданием в 1929 г. "Начал политической экономии"⁹⁷. Однако в плане института на 1931 г. уже значился выход двух томов полного собрания сочинений.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, л. 130-131.

⁹⁶ Рикардо Д. Собрание сочинений, т. 1. СПб., 1908.

⁹⁷ Рязанов Д. Предисловие. - Рикардо Д. Начало политической экономии и податного обложения. М., 1929, с. V.

Рязанову удалось заключить договор на издание собрания сочинений Рикардо с Государственным социально-экономическим издательством. О том, что он сумел сделать в Саратове, о его планах и масштабах проделанной работы можно узнать из черновика его заметки "Вынужденная поправка", посланной в "Правду" 9 сентября 1936 г. Она хранится в следственном деле и является по сути дела последней его дошедшей до нас работой.

26 августа 1936 г. на страницах этой газеты И. Лежнев обрушил свой гнев на московские издательства, в частности и на Соцэгиз, в которых сотрудничали неугодные властям люди. В их числе назывался и "небезызвестный историк-меньшевик Д. Рязанов", который, по сведениям Лежнева, "за краткий промежуток времени... получил в издательстве 11 000 рублей"⁹⁸. Цель была ясна - положить конец этому сотрудничеству. В своей заметке, конечно, так и не опубликованной в "Правде", Рязанов в присущей ему ироничной манере ответил Лежневу. Назвав его "опытным наемным писакой", он подчеркнул, что тот даже не удосужился узнать, за что он получил эту сумму. "Если бы он дал себе труд справиться об этом, - продолжал Рязанов, - он узнал бы, что я за "короткий срок" доставил издательству переводов около 100 печатных листов и комментария около 6 печатных листов... Я перевел полное собрание сочинений, писем и речей Рикардо. И не только перевел, но и собрал впервые в мировой экономической литературе. Такого собрания не имеет ни одна страна, даже Англия и США. Я в этот "короткий срок" закончил работу, которую я начал еще в тюрьме в 1907 г. для большевистского издательства, т.е. тогда, когда наш пресловутый публицист менял еще не веру, а пеленки.

Потеряло ли советское государство хотя бы одну копейку на этой работе? Нисколько. 20 000 экземпляров одного лишь тома Рикардо - а их должно выйти четыре - с избытком оплачивают весь гонорар переводчика за четыре тома"⁹⁹.

К счастью для науки, эта работа оказалась не напрасной. Уже в 1935 г. в Соцэгизе появился в качестве 2-го тома сочинений Д. Рикардо рязановский перевод "Начал политической экономии и податного обложения". Фамилия переводчика не была упомянута. Предисловие написал Д. Розенберг¹⁰⁰. В 1941 г. также без упоминания фамилии Рязанова были опубликованы два первых тома сочинений Рикардо. На титульном листе стояло: "Перевод под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР М. Смит"¹⁰¹. В первый том вошли "Начала политической экономии", а во второй - статьи и речи о денежном обращении в банках. Из-за войны три последующих тома не были опубликованы. В 50-х годах это издание было возобновлено. В 1955 г. появилось второе издание первых двух томов, а затем еще три тома. В третий том вошли статьи по аграрному вопросу и критические примечания к книге Мальтуса, в четвертый и пятый тома - парламентские речи Рикардо и письма к экономистам¹⁰².

Есть сведения также о том, что Рязанов переводил в Саратове и произведения других мыслителей. В одном из писем жена Рязанова упоминала о его переводах "Рикардо, Кабе и др."¹⁰³. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на вышедшую в издательстве "Академия" в 1935 г. в двух томах книгу Э. Кабе "Путешествие в Икарию"¹⁰⁴. На титульном листе стояло: "Статья Н.Л. Мещерякова. Комментарии Г.О. Гордона". Фамилия переводчика не

⁹⁸ Правда, 26.VIII.1936.

⁹⁹ Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408, л. 170-171.

¹⁰⁰ Рикардо Д. Сочинения, т. 2. М., 1935.

¹⁰¹ Рикардо Д. Сочинения, т. I-II. М., 1941.

¹⁰² Рикардо Д. Сочинения, т. I-V. М., 1955-1961.

¹⁰³ Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408, л. 201.

¹⁰⁴ Кабе Э. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман, т. I-II. М.-Л., 1935.

названа. Следует отметить, что Н.Л. Мещеряков хорошо знал Рязанова и до 1931 г. находился с ним в дружеских отношениях, как и издатель этой серии академик В.П. Волгин. Все это дает основания предположить, что перевод этой книги был сделан Рязановым.

Работу Рязанова над переводами и комментариями для полного собрания сочинений Д. Рикардо и работ других мыслителей можно рассматривать как его научный подвиг. При этом следует учитывать и состояние здоровья Рязанова, и его возраст, и те непростые условия, в которых ему приходилось работать. К тому же он жил в условиях жесточайшего психологического давления со стороны сотрудников ОГПУ, постоянно неприкрыто следивших за домом Рязанова как с улицы, так и со двора, за каждым его шагом.

НОВЫЕ КОЗНИ СТАЛИНА

В феврале 1934 г. истек срок ссылки. Рязанов надеялся, что он сможет вернуться в Москву. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. 13 декабря 1933 г. Особое совещание коллегии ОГПУ постановило продлить ссылку еще на два года. 5 марта 1934 г. это решение было несколько видоизменено: Рязанову запрещалось два года проживать в Московской и Ленинградской областях.

Свое отношение к этому очередному беззаконию и произволу Рязанов выразил в письме в Политбюро ЦК ВКП(б) 22 февраля 1934 г. Описав обстоятельства своего ареста и высылки из Москвы, трудные условия своей жизни в Саратове, Рязанов обращал внимание членов Политбюро на новые беззакония: "Можно было думать, что три года отрыва от любимой научной работы и всякой политической деятельности окажутся достаточным наказанием за несовершенное мною преступление. Но я ошибся. 20 февраля с.г. полпред ОГПУ в Саратове сообщил мне, что я не могу уехать из Саратова, что отныне разрешается жить в пределах СССР повсюду, но за исключением Москвы и Ленинграда, проживание в которых запрещается мне безусловно и без ограничения срока.

Поскольку это постановление возвращает мне "свободу" и дает мне право уехать из Саратова, оно представляет только издевательство, потому что два старика, из которых один признан врачебной комиссией полным инвалидом, не могут даже при крайней необходимости переменить действующий убийственно на их здоровье климат...

Но подвергая меня, неизвестно на каком основании и по каким мотивам, повторному и на этот раз бессрочному наказанию, Постановление ОГПУ для меня, в 64 года, при состоянии моего здоровья, равносильно смертному приговору.

Закрывая для меня как раз те два города, где я могу еще заниматься научной работой по моей специальности, оно превращает остаток моей жизни в еще горшую умственную пытку, чем моя жизнь в течение последних трех лет...

Я требую поэтому суда. При малейших гарантиях революционной законности он покажет партии, Коммунистическому Интернационалу, международному пролетариату, что я не совершил никакого преступления ни против партии, ни против пролетариата, ни против советской власти"¹⁰⁵.

В феврале 1934 г. положение Рязанова стало отчаянным. Заболела жена. Сказались тревожения последних лет, в том числе и попытки сотрудников ОГПУ добиться от нее отречения от мужа. В этих условиях Рязанов поставил перед собой, казалось, неразрешимую задачу: добиться для жены персональной

¹⁰⁵ Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408. л. 129-131.

пенсии, ее переезда в Москву, где она могла лечиться. Свои надежды Рязанов возлагал на Енукидзе и Калинина. В следственном деле сохранились черновики писем Рязанова Енукидзе за 1934 г., а также копия одного письма Енукидзе в его адрес. Благодаря помощи Енукидзе ему удалось добиться своей цели: Анна Львовна получила пенсию и квартиру в Москве. "При удобном случае я поставлю вопрос об изменении Вашего положения"¹⁰⁶, - писал Енукидзе. Ему удалось вскоре добиться положительного ответа Политбюро на просьбу Рязанова отвезти свою больную жену в Москву. Эта поездка состоялась в мае 1934 г.

Во время пребывания в Москве Рязанов устраивал дела жены, связанные с ее пенсией, лечением и квартирой, и успел поговорить "по душам" с Крыленко, Шкирятовым и Ярославским, сыгравшими не последнюю роль в его исключении из партии и высылке. За каждым шагом Рязанова следили сотрудники ОГПУ, и не прошло десяти дней, как его стали выпроваживать из Москвы. Еще раз Рязанов побывал в Москве в первой половине августа 1936 г., когда уже вышли все сроки его наказаний. Он надеялся здесь получить путевку в санаторий, чтобы вместе с Анной Львовной поехать лечиться на юг, куда его направляли врачи. Однако когда он через десять дней зашел в НКВД, чтобы продлить на несколько дней свою прописку, ему велели немедленно ехать в Саратов. Так же безуспешно окончились другие попытки Рязанова отправиться лечиться на юг. Фактически после февраля 1934 г. Рязанову был навсегда закрыт путь из Саратова. Сталин его трехлетнюю ссылку превратил в бессрочную.

Нужно было думать о том, как устроить дальше свою жизнь в Саратове. В ноябре 1934 г. Анна Львовна окончательно переселилась в Москву. Она часто приезжала в Саратов, находилась там, когда Рязанов болел.

В августе 1934 г. в квартиру Рязанова из г. Энгельс переселились его племянница Анна Либих с дочерьми, Зиной и Леной. Зинаида Николаевна и Елена Николаевна рассказали автору этих строк очень много интересного о жизни Рязанова в Саратове после августа 1934 г., о его доброте, чуткости, внимании к людям, близким, о его огромной душевной щедрости. Давид Борисович очень любил делать подарки. И дети, просыпаясь утром, часто находили на стуле рядом новое платье или книгу. Вместе с тем он строго следил за их режимом. Всегда отпускал гулять лишь на определенное время. Если же приходили позднее, ругал. Постоянно следил за их развитием: ходил с ними в театр, цирк, на прогулки.

Особенно запомнились Елене Николаевне и Зинаиде Николаевне два эпизода. В марте 1935 г. они решили сделать Давиду Борисовичу подарок ко дню рождения. Вначале они хотели купить изображение Ворошилова на коне, но не нашли и купили портрет Сталина. Принесли домой, поздравили и вручили подарок. Он посмотрел, слегка опешил, затем громко захохотал на весь дом. Поблагодарил. Затем взял портрет и положил его на шкаф. Лишь позднее они поняли причину его смеха. Второй эпизод произошел за завтраком 2 декабря 1934 г., когда было передано сообщение об убийстве Кирова. Зинаида Николаевна рассказывает: "Репродуктор висел в столовой и работал практически круглосуточно. Я как сейчас помню, как мы все собрались завтракать в столовой. Вдруг прозвучало сообщение о том, что был убит Киров. Рязанов сразу же преобразился, встал и начал нервно ходить по столовой. Затем остановился возле радио и сказал, глядя на него: "Сталин начал". И сразу же ушел в кабинет". Рязанов хорошо изучил Сталина, знал о его коварстве, склонности к провокациям и поэтому смог сразу определить, кто организовал это убийство и что затем последует.

¹⁰⁶ Там же, л. 53.

Рязанов и в Саратове сохранял независимость своего мышления, критическое отношение к политике Сталина. В следственном деле Рязанова хранятся записи его высказываний на различные политические и теоретические темы, сделанные одним из осведомителей НКВД, вошедшим в доверие к Рязанову и часто посещавшим его. Вот некоторые из них:

"Речи, как бы они не были интересно составлены, теоретическими работами еще не являются. Маркс и Ленин написали десятки томов. А что написал Сталин? Единственная его теоретическая работа "Марксизм и национальный вопрос". Я ее, признаться, только собираюсь прочесть. Но едва ли он в ней сказал больше, чем Ленин".

"Посмотрите на бюджет, опубликованный в речи Гринько. Из 69 млрд. 24 млрд. получают от хлеба. Наш бюджет из "пьяного" сделался "хлебным". Государство зарабатывает на килограмме хлеба чуть не 800-1000%. Это неслыханная прибыль. За границей вздорожание хлеба на 1% вызывает революцию. А у нас играют с хлебными ценами как будто этим играть можно".

"С тех пор как стали отождествлять партийные и советские органы - всякая подлинная критика невозможна. До 1929 г. я хотя бы в бюджетной комиссии ЦИК' а мог подвергнуть критике любое государственное мероприятие. Но когда в 1930 г. доклад о бюджете Молотовым был сообщен нам в "информационном порядке", я понял, что всякая критика невозможна и что такие люди, как я, в партии не нужны".

"Меня упрекали в том, что я не признаю теоретических заслуг Ленина. Это неверно. Я только против преувеличений. В философской и экономической областях Ленин повторил Маркса. Я берусь легко доказать, что Ленин до 1913 г. не изучал Гегеля. А говорят о "новом этапе ленинской философии". Ленин сказал новое слово в учении о диктатуре пролетариата и о переходном периоде. Поэтому я сам говорил о теории Маркса - Энгельса - Ленина. Но ставить Сталина на одну доску с Марксом или даже с Лениным - это просто смешно!"

"Миллиарды затрачены на метро - даже не опубликовано, сколько стоило метро. Может быть, это строительство стоило столько, что нужно не наградить, а наказать строителей. А миллиарды, которые будут затрачены на реконструкцию Москвы, будут опять взяты из общегосударственного бюджета. За чей счет? В первую очередь крестьян и рабочих также"¹⁰⁷.

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Понимая, что Саратов стал для него постоянным местом жительства, Рязанов после приезда из Москвы стал подыскивать работу, соответствующую его интересам. В то время в Саратовском государственном университете (СГУ) воссоздавался исторический факультет. До начала 30-х годов в СГУ историческое отделение существовало на педагогическом факультете. Однако после превращения этого факультета в педагогический институт подготовка историков в СГУ была прекращена. Учеба на истфаке СГУ началась в сентябре 1935 г. Первоначально было принято 106 студентов.

Осенью 1934 г. Рязанов с ведома НКВД обратился с просьбой в краевые парторганы предоставить ему работу в области просвещения и культуры. В связи с предполагавшимся восстановлением исторического факультета он предложил свои услуги для организации его материальной части - библиотеки и кабинетов и был направлен к Рубинштейну, тогда заведовавшему культурой края.

В архиве Саратовского университета мне удалось разыскать приказ № 127 по

¹⁰⁷ Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408.

Исторический факультет Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского.

университету от 22 ноября 1934 г. о зачислении "с 21 ноября с.г. Д.Б. Рязанова временно исполняющим обязанности консультанта по научной части с окладом в 500 руб. в месяц". Упоминается он также в приказе № 40 по университету от 27 июня 1937 г., где назван в числе "консультантов по укомплектованию исторической библиотеки" также с окладом в 500 рублей¹⁰⁸.

Сейчас трудно сказать, какую роль в устройстве на работу в СГУ сыграли Калинин или Енукидзе. Но несомненную помощь Рязанову оказало руководство партийной организации Саратовской области. Тогда его возглавлял известный партийный деятель А.И. Криницкий, в 20-х годах работавший в аппарате ЦК и вместе с Рязановым принимавший участие в дискуссиях по проблемам науки и культуры. Он и его заместитель - второй секретарь крайкома П.Ф. Липендин - высоко ценили Рязанова как ученого и помогли ему устроиться в СГУ. Эту поддержку Рязанов оценил очень скоро.

Директором СГУ в 1934-1935 гг. был профессор Д.А. Рамзаев. Когда Рязанова принимали на работу, он находился в командировке и, узнав обо всем после возвращения, сразу же попытался добиться его увольнения. При этом Рамзаев провоцировал Рязанова на резкие высказывания и писал еще доносы о том, что Рязанов негативно относится к деятельности партийной, комсомольской и профсоюзной организаций СГУ¹⁰⁹.

Решение об увольнении Рязанова было дважды принято Наркомпросом. Однако Саратовский крайком дважды противился этому. В своем письме в ЦК Рамзаев рассказывает о том, как его 28 апреля 1935 г. вызывал к себе Липендин

¹⁰⁸ Приказы по Саратовскому университету с 4.II.1934 по 29.XII.1934, с. 76; Приказы по Саратовскому университету за 1937 г., с. 102.

¹⁰⁹ Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408, л. 50.

и, не стесняясь в выражениях, отчитал за то, что Рязанову не была выплачена зарплата. "Ты долго еще будешь издеваться над стариком Рязановым, этим крупнейшим ученым?"¹¹⁰ - спросил он. Рамзаев был вынужден в конце концов подчиниться и оставить в покое Рязанова.

Рязанов проделал огромнейшую работу вначале на историческом факультете, а затем в научной библиотеке СГУ. Этот старый больной человек перерыл сотни тысяч книг, причем не только в университетской библиотеке, но и в других книгохранилищах Саратова. Он фактически создал библиотеку истфака и укомплектовал, в частности, библиотеку кафедры нового и новейшего времени, значительно пополнил исторической литературой книжные фонды научной библиотеки СГУ. Об этом автору данного очерка рассказала ее директор В.А. Артисевич. Она уже более 60 лет возглавляет эту одну из самых значительных университетских библиотек нашей страны и в 1934 г. принимала на работу Рязанова. По ее словам, он работал по своему плану и никому не был подчинен, у него был закуток на третьем этаже библиотеки. На работу он ходил регулярно, был очень дисциплинированным работником. Однажды на семинаре выступил по ее просьбе с обзором редких изданий, выявленных им и включенных в книжный фонд библиотеки СГУ. Иногда рассказывал о своем институте, часто говорил о своих внучатых племянницах, воспитанию которых уделял много внимания.

Конкретные сведения о работе, проделанной Рязановым на истфаке СГУ, содержатся в его письме декану этого факультета археологу П.С. Рыкову от 9 мая 1937 г.:

"Я... изучил книжные фонды Научной библиотеки и Центральной библиотеки, обследовал библиотеку В.К. [Высшей коммунистической] с/х школы и не только "открыл" библиотеку Нессельроде, но и разобрал ее при самых тяжелых условиях, составил необходимые списки литературы по всеобщей и русской истории, собрал коллекции книг для справочного аппарата... Я разобрал и систематизировал все большие книжные поступления - несколько тысяч книг, - не имея все время ни одного помощника, проработал каталог периодических изданий Центральной библиотеки, Балашовской и Института механизации с/х и т.д. и т.д. На совершенно пустом месте теперь организована в течение двух лет... при минимальных расходах библиотека - студенческая и научная 15-18 000 томов и в некоторых своих частях представляющая unicum в СССР"¹¹¹.

Автору очерка довелось ознакомиться с каталогом библиотеки кафедры нового и новейшего времени истфака СГУ. Многие книги попали туда благодаря Рязанову. Автор поразился богатству документальных источников, широкому диапазону исторических работ, в том числе и написанных авторами, которых в 30-х годах относили к "буржуазным", "реакционным". Многие книги принадлежали к числу редчайших и вряд ли имеются сейчас в других библиотеках.

К работе на истфаке СГУ Рязанов относился с присущей ему научной добросовестностью. По обычной логике в его положении нужно было вести себя тихо, не спорить, не конфликтовать. Но Рязанов и в Саратове оставался самим собой. Интересы дела для него были превыше всего. И когда он сталкивался с халтурной работой, то не задумываясь шел на конфликт, о чем, в частности, свидетельствует его переписка с деканом истфака известным археологом П.С. Рыковым. Она включает в себя три документа: письмо Рязанова Рыкову от 7 мая 1937 г., ответ Рыкова от 9 мая и второе письмо Рязанова, датированное также 9 мая 1937 г. В первом письме Рязанова говорится о споре, возникшем между ним и заведующим кафедрой истории народов СССР Р.А. Таубиным по

¹¹⁰ Там же, л. 51.

¹¹¹ Там же.

вопросу о комплектовании библиотеки кафедры. Рязанов должен был выявить в научной библиотеке СГУ необходимую для кабинета литературу. Таубин же начал осуществлять эту работу по-своему. Предоставим слово Рязанову:

"Вместо того, чтобы планомерно на основе научно-библиографического аппарата и, не нанося никакого ущерба научной библиотеке, выбирать только то, что строго необходимо для научно-исследовательской работы, Таубин, руководствуясь списком зачастую дефектных, разрозненных и случайных книг, находившихся в подвале и не вошедших в каталог, предназначенных для обмена, затребовал из библиотеки сотни ненужных книг, которые будут без всякой пользы для дела обременять кабинетскую библиотеку... Вместо того, чтобы создать для кабинета истории СССР тщательно подобранное систематизированное собрание источников, библиографических справочников и пособий, всех основных общих и монографических работ по истории СССР, собираются перетащить, наряду с ценными книгами, всякую историческую макулатуру, которая может без ущерба для дела оставаться там, где она лежит".

Рязанов предложил также декану истфака организовать специальный кабинет по истории и историографии, по методологии и "философии истории" и вспомогательным историческим дисциплинам. "Без такого кабинета истфак - фонарь без свечи!"¹¹² - писал он.

Рыков не поддержал Рязанова в вопросе о подборе литературы для кабинета истории СССР, отметив, что "всю ответственность за подбор необходимой литературы для кабинета истории народов СССР должен нести и несет зав. кафедрой Р.А. Таубин". Отрицательно отнесся он и к идее создания нового кабинета, заявив, что не думает, что "без этого кабинета истфак должен обязательно уподобиться "фонарю без свечи"¹¹³.

Ответ Рыкова не смутил Рязанова. Он сразу же написал ему новое письмо. "Конечно, мнение и голос заведующего кафедры должны быть учтены, - отмечал он, - но я не могу не протестовать самым энергичным образом против попытки превратить научно-исследовательский кабинет в обычную библиотеку, в которой литература по русской истории будет перемешана с макулатурой.

Я не могу согласиться с Вашими возражениями по вопросу о необходимости организации особого кабинета по истории, историографии и "философии истории", т.е. диамата и истмата на истфаке... Историки должны знать диамат и истмат и как результат всей предшествующей философской и исторической мысли, и как оружие для изучения и объяснения конкретного исторического процесса. Именно в этом смысле я писал, что истфак без такого кабинета - "фонарь без свечи". Я готов прибавить - или голова без ума"¹¹⁴.

Работа Рязанова в университетской библиотеке и на истфаке дала значительные результаты в области расширения и организации книжных и научно-исследовательских фондов. Исследователь истории СГУ Л.А. Дербов писал: "Для комплектования кабинетов кафедр книгами университету были переданы богатые фонды литературы из конфискованных частных коллекций (Нарышкиных, Нессельроде и др.). Большую помощь оказала факультету научная библиотека"¹¹⁵. Все верно. Отсутствует лишь упоминание человека, осуществлявшего эту работу.

Летом 1937 г. Рязанов решил еще раз выяснить свое правовое положение и

¹¹² Там же, л. 178.

¹¹³ Там же, л. 181.

¹¹⁴ Там же, л. 161.

¹¹⁵ Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983, с. 83; Саратовский университет. Саратов, 1959, с. 104-108, 255-257.

добиться разрешения поехать на юг для лечения. 22 июля 1937 г. он подготовил письмо наркому внутренних дел Н.И. Ежову, где писал: "Такое неопределенное положение создает крайне неблагоприятные условия жизни и работы для меня лично и лишает меня возможности лечиться. При сердечной болезни и преклонном возрасте, при тех ужасных санитарных условиях, в которых находится отведенная мне квартира, в особенности летом, это грозит в ближайшем времени полной инвалидностью"¹¹⁶.

На следующий день, 23 июля 1937 г., правовое положение Рязанова было окончательно определено: он был арестован.

УБИЙСТВО

Арест Рязанова не был связан, конечно, с письмом Н.И. Ежову, а являлся одним из актов того террора, который обрушился летом 1937 г. на Саратов. События развивались, как и во многих других районах страны, по разработанному заранее сценарию. Сталин был очень недоволен партийным руководством Саратовской области. Еще 12 августа 1936 г. в "Правде" указывалось на недостаток большевистской бдительности со стороны саратовского крайкома ВКП(б)¹¹⁷. В июле 1937 г. в Саратов из Москвы прибыли эмиссары Сталина - А.А. Андреев и Г.М. Маленков.

10 июня 1937 г. был освобожден от работы второй секретарь крайкома П.Ф. Липендин, а вскоре и председатель облисполкома Н.И. Барышев и саратовского горисполкома А.Я. Гринштейн. 17 и 18 июля с участием Андреева и Маленкова проходил пленум Саратовского краевого комитета ВКП(б). Андреев сообщил о резолюции ЦК "О руководстве Саратовского обкома ВКП(б)", а также о решении ЦК снять с поста первого секретаря обкома Криницкого за неоднократное проявление слабости в деле руководства Саратовской организацией и безнадежную слепоту к врагам народа. Пленум полностью одобрил это решение и вывел его из состава бюро и пленума обкома¹¹⁸. В постановлении пленума отмечалось: "Пленум обязуется под испытанным руководством Сталинского ЦК ВКП(б) довести до конца дело разоблачения и разгрома врагов народа, в кратчайший срок исправить ошибки, допущенные Саратовским обкомом ВКП(б), ликвидировать все последствия вредительства со стороны врагов народа и по-боевому мобилизовать все областные парторганизации на большевистское выполнение директив партии"¹¹⁹.

Жестокий террор обрушился на партийные, советские верхи, включая районцы и на все учреждения и предприятия Саратовской области. Аресты были проведены и в университете. В числе арестованных оказались ректор СГУ К.Г. Хворостин, декан истфака Рыков. Как бы подводя итоги репрессий, одна саратовская газета писала в статье "Врагам - нет пощады": "Благодаря вмешательству и непосредственной помощи ЦК ВКП(б) несколько месяцев тому назад была разоблачена право-троцкистская организация в Саратовской области... Еще одна гнусная право-троцкистская банда поймана с поличным и уничтожена. Их судьба уготовлена всем врагам народа. Враги должны быть и будут поголовно уничтожены. Полностью и до конца!"¹²⁰

Сейчас трудно установить, был ли Рязанов арестован по прямому приказу Сталина или нет. Скорее всего, Андреев перед отъездом в Саратов все же

¹¹⁶ Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408, л. 140.

¹¹⁷ Правда, 12.VIII.1936.

¹¹⁸ Партийный архив Саратовской областной организации КПСС, ф. 594, оп. 1, д. 881, л. 10-11.

¹¹⁹ Там же, ф. 594, оп. 1, д. 884, л. 437.

¹²⁰ Коммунист, 29.IX.1937.

получил соответствующее указание Сталина насчет Рязанова. Рязанов был арестован и заключен в Саратовскую тюрьму. Его дело вел вначале следователь госбезопасности Эдельман, а с осени 1937 г. - начальник четвертого отдела управления НКВД по Саратовской области А.А. Вишневецкий. Последний прославился таким изуверством в применении пыток к арестованным в 1937-1938 гг., что в 1941 г. был даже приговорен к расстрелу военным трибуналом. Правда, в ноябре 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР заменил расстрел десятью годами лишения свободы, направив его в штрафной батальон на фронт¹²¹.

Рязанова обвинили в "активной антисоветской, троцкистской деятельности", его положение было очень трудным. За более чем шесть лет тотальной слежки на него было собрано много "компромата". Ему вменялось в вину общение с сосланными в Саратов оппозиционерами, в частности с И.Н. Смирновым, Ревеккой и Карлом Грюнштейнами. Чисто дружеские связи интерпретировались как антисоветская троцкистская деятельность. Использовались его критические высказывания, в том числе и о Сталине, подслушанные осведомителями или полученные другим образом.

Такого рода материалы могли в то время сбить спесь с любого последственного. Но запугать Рязанова, заставить его признать несуществующую вину, покаяться не удалось. С первого и до последнего дня следствия он решительно отвергал все обвинения. Когда Рязанову предъявили обвинение в активной антисоветской деятельности, он написал на постановлении об аресте: "Обвинение целиком как бессмысленное отрицаю"¹²².

Сохранились протоколы допросов Рязанова. Они дают представление о том, как он вел себя в ходе следствия в самый страшный период своей жизни. Это уникальный источник биографии Рязанова. Вопросы записаны рукой следователя, ответы - рукой Рязанова. К сожалению, нет возможности воспроизвести их полностью. Приведем лишь некоторые выдержки из первых диалогов между Эдельманом и Рязановым:

"Вопрос. Покажите об известной вам антисоветской нелегальной организации троцкистов и правых.

Ответ. О таковой деятельности мне ничего не известно. Никаких связей, кроме личных знакомств со старыми членами партии, бывших в оппозиции с 1923 г., не было.

Вопрос. Вы скрываете наличие организационных связей с троцкистским и правым антисоветским подпольем. В общениях с участниками этого антисоветского подполья вы вели клеветнические разговоры о политике ВКП(б) и Совправительства.

Ответ. Отрицаю наличие каких-либо организационных связей с троцкистскими и правыми элементами. Никаких клеветнических разговоров о политике ВКП(б) и Советской власти никогда и ни с кем не вел. Меня может только удивить предъявленное мне такое обвинение.

Вопрос. Ваши ответы на поставленные следствием вопросы не правдивы. Вам предлагается прекратить заперательство и давать откровенные показания о своей работе против ВКП(б) и Совправительства.

Ответ. Мои ответы совершенно правдивы. Я никогда не вел борьбу против ВКП(б) или против Советского правительства. Это могут подтвердить все мои старые товарищи как в Политбюро ЦК ВКП(б), так и в Советском правительстве. Я остался, хотя и вне рядов партии, убежденным коммунистом и

¹²¹ Центральный архив КГБ СССР, № ОФ 14408, л. 215.

¹²² Там же, л. 1.

приверженцем Советской власти. Мне не в чем запыряться. Меня можно обвинять, как это делал покойный Ильич, в излишней прямолинейности, но в двурушничестве можно только, не зная меня лично и не зная моей работы в партии"¹²³.

А вот ответ па вопрос о клеветнических выступлениях против Сталина: "Никаких клеветнических заявлений в отношении тов. Сталина никому не делал... Прибавлю, что разногласия со Сталиным являются также мало преступлением, как и разногласия с Лениным. Их можно квалифицировать, как политические ошибки, но это не акты, подлежащие уголовному воздействию"¹²⁴.

Так же непреклонно держался Рязанов и на допросах Вишневецкого в ноябре 1937 г.:

"Вопрос. Следствие располагает данными о вашем участии в антисоветской право-троцкистской организации.

Ответ. Нет, не признаю... Я антисоветской работы не вел и по-прежнему заявляю, что участником антисоветской организации не состоял".

Очевидно, и Вишневецкому стало ясно, что ему не удастся добиться "признания" Рязанова. Было решено арестовать жену Рязанова и попытаться с ее помощью воздействовать на него. Ей сообщили в Москву, что Рязанов болен и находится в тюремной больнице. Анна Львовна сразу же отправилась в Саратов. 25 ноября она была арестована.

"В конце ноября в пять часов утра, - рассказывала мне Зинаида Николаевна, - когда было еще темно, кто-то открыл ставни и стал стучать в окно. Мы открыли дверь. Вошли два человека. Один из них обратился к Анне Львовне: "Одевайтесь, поедете к Давиду Борисовичу". Анна Львовна спокойно отнеслась к этим словам. Она была, судя по всему, готова и даже собрала вещи. Ее посадили в "черный воронок" и увезли. Перед уходом они запечатали дверь, ведущую в кабинет Давида Борисовича". Однако предать своего мужа, оговорить его, отречься от него Анна Львовна не согласилась. Этот вариант не сработал.

19 января 1938 г. было подготовлено "Обвинительное заключение", где Рязанов именовался "одним из участников антисоветской правотроцкистской диверсионно-вредительской организации", возглавлявшейся бывшим руководством партийной организации области и ставившей целью свержение Советской власти и реставрацию капитализма. В числе многочисленных обвинений, предъявленных ему, было и такое: "Занимаясь журналистской работой по спец. дисциплинам, пытался опошлить в к-р [контрреволюционном] духе учение Маркса-Энгельса-Ленина". "Рязанов виновным себя не признал", - вынуждены были констатировать следователи в "Обвинительном заключении"¹²⁵.

21 января 1938 г. состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством Матулевича. Суд над Рязановым продолжался 15 минут: сюда входили все стадии судебного заседания, включая и совещание судей и объявление приговора. В протоколе судебного заседания изложено и последнее слово Рязанова: "Подсудимый заявил, что он всегда боролся против троцкизма. В своих убеждениях он не искал ни союзников, ни сочувствующих, а потому это и исключает его участие в правотроцкистской организации. В Саратове у него также не было никаких связей, а потому он категорически отрицает свое участие в к/р организации".

Приговор гласил: "Руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УК РСФСР, Военная

¹²³ Там же, л. 17-18.

¹²⁴ Там же, л. 22-23.

¹²⁵ Там же, л. 189-194.

коллегия Верховного суда СССР приговорила Рязанова Давида Борисовича к высшей мере уголовного наказания - расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества.

Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению"¹²⁶. В хранящейся в следственном деле справке говорится: "Приговор о расстреле Рязанова Давида Борисовича приведен в исполнение в г. Саратове 21.I.1938 г."¹²⁷

Так было осуществлено убийство одного из самых оригинальных ученых и общественных деятелей нашей страны 20-х годов, одно из самых гнусных преступлений Сталина.

А 13 апреля 1938 г. был исполнен еще один пункт приговора - о конфискации имущества Рязанова. О том, как это происходило, мне рассказали свидетельницы этого события, его внучатые племянницы Елена Николаевна и Зинаида Николаевна.

В 10 часов утра к дому приехала грузовая машина. Из нее вышли несколько человек, распечатали кабинет, вынесли из дома всю мебель, прежде всего красивые стулья, погрузили на машину. Затем они отобрали множество книг и вынесли их. В доме стояла большая круглая печь, которая обогревала все комнаты и топила из кабинета Рязанова. В эту печь были брошены сотни книг с автографами таких авторов, как А. Бебель, К. Каутский, А. Барбюс и других, письма многих выдающихся общественных деятелей и мыслителей, все рукописи и документы Рязанова, лежавшие в его письменном столе, фотографии. Среди них была и фотография молодого Энгельса, подаренная Рязанову дочерью Маркса Лаурой Лафарг с дарственной надписью, всегда стоявшая на его письменном столе. Так в течение нескольких часов были уничтожены многочисленные бесценные книги и документы. Печь накалилась и в конце концов треснула от пола до потолка. Затем пустой кабинет был запечатан, и машина с мебелью и частью книг из библиотеки Рязанова уехала.

Автору данного очерка удалось выяснить судьбу этих книг: часть из них была продана в комиссионные магазины, часть оказалась в научной библиотеке СГУ, 353 книги были переправлены в мае 1938 г. в Москву в Институт Маркса-Энгельса-Ленина. Не исключено, что таким образом была выполнена последняя воля Рязанова: когда он болел в 1935-1937 гг., то неоднократно просил своих близких в случае смерти передать все ценные издания в институт.

ИСТОРИЯ РАССУДИЛА

В Саратове академик Рязанов неоднократно говорил о том, что история рассудит, кто прав: он или Сталин. Как историк он понимал, что режим, основанный на преступлениях и лжи, рано или поздно будет отвергнут, осужден и историческая справедливость по отношению к его жертвам будет восстановлена. И он оказался прав. Правда, путь к этой справедливости был долгим и непростым.

Для реабилитации Рязанова, восстановления его доброго имени и исторической справедливости очень много сделала его жена Анна Львовна. Как жену "врага народа" в апреле 1938 г. ее приговорили к восьми годам лагерей и отправили в Мордовию, в поселок Явас, где находился исправительно-трудовой лагерь для родственников "врагов народа". 30 апреля 1943 г. ее освободили, и она оказалась снова в Саратове. О судьбе мужа она ничего не знала. Подозревала худшее, но надеялась на чудо. 6 июля 1957 г. она писала

¹²⁶ Там же, л. 199.

¹²⁷ Там же, л. 200.

Н.С. Хрущеву: "Мне в МВД Саратовской области сказали, что он приговорен к 10 годам без права переписки. На все мои запросы мне отвечали, что он жив и здоров. Когда прошло 16 лет и от него не было никаких известий, мне сказали, что он "пропал без вести"¹²⁸.

Добиться реабилитации Рязанова оказалось не таким простым делом. Уж больно необычной фигурой он был. Тем не менее письмо Хрущеву дало свои результаты, и 19 марта 1958 г. Рязанова была реабилитирована, а через три дня, 22 марта, решением Военной коллегии Верховного суда был реабилитирован и сам Рязанов. В справке, выданной Анне Львовне, отмечалось: "Приговор Военной коллегии от 21 января 1938 года в отношении Рязанова Д.Б. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления".

В сентябре 1958 г. Анна Львовна была восстановлена в партии. Однако ее попытка восстановить в партии и Рязанова натолкнулась на сопротивление. Главным препятствием были, очевидно, его споры с Лениным и выступления на съездах партии. В ноябре 1958 г. КПК при ЦК КПСС не нашел возможным удовлетворить просьбу Рязановой "за отсутствием оснований"¹²⁹.

Основания появились лишь в октябре 1989 г. В решении КПК отмечалось: "Учитывая, что обвинения, на основании которых Д.Б. Рязанов был исключен из партии, отпали, реабилитировать его в партийном отношении посмертно"¹³⁰.

22 марта 1990 г., т.е. ровно через 32 года после начала реабилитации, Рязанов был посмертно восстановлен в Академии наук СССР вместе с группой других репрессированных академиков. При этом была отдана дань "глубокого уважения светлой памяти безвинно погибших ученых" и высоко оценен "их выдающийся вклад в развитие отечественной и мировой науки и культуры"¹³¹.

Сталин сделал все возможное, чтобы уничтожить не только самого Рязанова, но и память о ненавистном ему ученом и общественном деятеле. Его произведения были отправлены в спецхраны. Запрещалось даже упоминать его имя в печати. Но Рязанова помнили. О нем писали за рубежом, где переиздавались отдельные его работы. В последние десятилетия его фамилия все чаще встречается на страницах отечественных газет и журналов.

До наших дней продолжают сохранять свое научное значение многочисленные издания произведений выдающихся мыслителей XIX и XX вв., подготовленные в 20-х годах Рязановым. Продолжают служить науке собранные усилиями Рязанова книжные и архивные богатства. На их основе совершено немало научных открытий, написано немало талантливых работ. Не стали вчерашним днем и научные работы самого Рязанова, которые выгодно отличаются от в основном цитатнических, казуистических, апологетических и конъюнктурных работ советских марксоведов 30-80-х годов.

Сейчас в нашей стране идет активное переосмысление ее истории, того вклада, который внесли в ее развитие российские ученые и общественные деятели. Вновь мелькают имена людей, преданных анафеме и забвению в 20-е и 30-е годы. В их творчестве обнаруживается немало яркого и интересного, того, что может помочь и нам понять окружающий мир, найти выход из того социального и интеллектуального тупика, в котором мы оказались. К числу таких людей относится, несомненно, и академик Д.Б. Рязанов.

¹²⁸ Там же, л. 202.

¹²⁹ РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 3, д. 12754, л. 80.

¹³⁰ Там же, л.121.

¹³¹ См. *Рокитянский Я.Г.* Указ соч., с. 132.